

Aspectos teóricos de la Economía Regional, Internacional y Mundial

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ, МЕЖДУНАРОДНОЙ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Руиз Аулар Педро Хавиер

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ,
МЕЖДУНАРОДНОЙ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

**ASPECTOS TEORICOS DE LA ECONOMIA REGIONAL,
INTERNACIONAL Y MUNDIAL**

Рекомендовано Министерством Высшего Образования Венесуэлы в качестве учебника для иностранных студентов и аспирантов высших учебных заведений обучающихся по экономическим специальностям.

ISBN: 978-980-7367-04-2

Издательство: Ediciones Universidad Deportiva del Sur
г. Сан Карлос, штат Кохедес, Боливарианская Республика Венесуэла.

2013

УДК 332.1

ББК 65.049

Р32

Рецензенты:

Академия экономических наук штата Зулия – Венесуэла

Главный редактор:

Анна Владимировна Руиз Аулар

Redactor: Anna Vladimirovna Ruiz Aular

Diagramación: Eduardo Alexander Guevara Olivero

Diseño y Estilo: Jorge Pulido Funes

Portada: Jorge Pulido Funes

ISBN: 978-980-7367-04-2

Depósito Legal: Ifh78220133301296

Лиценция Серия: Ifh78220133301296

Издательство: Ediciones Universidad Deportiva del Sur

Вопроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или какой-либо форме, в том числе в Интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства

2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ТЕОРИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.....	7-10
ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ.....	10-11
ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ГРУППИРОВОК.....	12-25
СТРУКТУРА МИРОВОГО ВВП.....	25-26
СТРУКТУРА МИРОВОГО ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ.....	26-27
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	27-28
ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	28-32
РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	32-34
ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ.....	34-37
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ СОЗДАЮТ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ РФ.....	38-40
ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	41-53
РАЗВИТИЯ ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОНЦА ХХ-НАЧАЛА XXI ВВ.....	53-63
РАЗВИТИЯ ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОНЦА ХХ-НАЧАЛА XXI ВВ.....	64-69

ВВЕДЕНИЕ

В 1970-х гг. В. Леонтьев насчитывал в мире 15 регионов (включая Японию и Океанию). Современный американский ученый А. Рагман видит только три таких образования: НАФТА, Восточная Азия и ЕС. Вместе с тем на начало 2002 г. существовало 159 региональных торговых соглашений, причем 19 из них были заключены в 2001г. По-видимому, правомерно говорить об усилении стремления к регионализации в современном мире. Иначе такое стремление можно назвать регионализмом. Это вполне закономерная и рациональная реакция на чрезмерность внешнего воздействия диспропорции мировой экономики и нарастающий гегемонизм в мировой политике.

Однако, во-первых, необходимо четко понимать существо регионализации и перспективы регионализма, а во-вторых, их соотношение с глобализацией (глобализмом). В чем эти процессы и идеологии совпадают, в чем противоречат друг другу - вопросы встречающиеся достаточно часто. Но отвечают на них по-разному. К примеру, польский ученый Г. Масей пишет: "Обозначившиеся стремления к расширению регионального сотрудничества до нового масштаба, неизвестного ранее, в значительной степени стало ответом на процесс глобализации". Что касается литературы, то я могу сказать однозначно, что в этом году я нашла больше информации по вопросу регионализации.

Думаю, это связано с тем, что интерес к процессу непрерывно растет и, следовательно, материала появляется все больше и больше. Но все же термин "регионализация" еще не настолько популярен, как, например, глобализация. И именно поэтому эта тема вызывает у меня большой интерес, хочется узнать как можно больше об этом процессе, проанализировать разные точки зрения и составить на этот счет свое мнение. Информацию по этой теме можно найти в работах таких авторов, как В. А. Ачкасова, А. В. Чугунов, В. А. Дергачев, в различных статьях, в особенности хочется отметить Широкого Глерию Кузьмича, доктора экономических

наук, профессора, главного сотрудника Института востоковедения РАН. Его наблюдения очень интересны и, бесспорно, заслуживают внимания. А также мне запомнились статьи Г. А. Дробот, О. А. Хлопова, А. И. Салицкого, Р. Х. Симоняна.

В том году я начала работу по этой теме на примере одной из потенциальных интеграционных группировок (Россия, Индия, Китай в межрегиональном стратегическом сотрудничестве). В этой же работе мне захотелось более подробно разобраться с регионализацией в общем смысле, с ее типологией, историей. Надеюсь, в результате исследования у читателя сложится представление о новом международном процессе - регионализации и возникнет интерес к развитию этой темы, которая сейчас весьма актуальна. В последнем десятилетии XX века явно обозначился ряд новых тенденций мировой экономики, которые будут определять ее развитие в предстоящем XXI веке. Эти тенденции состоят в следующем.

Глобализация - экономической деятельности, выражающаяся во все большем расширении и углублении международных связей в сфере инвестиций, производства, обращения, снабжения и сбыта, финансов, научно-технического прогресса, образования. Постепенно на базе транснациональных корпораций (ТНК) складываются мощные международные хозяйственные комплексы, действующие во всеохватывающих, глобальных масштабах и ведущие конкурентную борьбу за рынки сбыта, материальные и финансовые ресурсы на мировой арене.

Либерализация - мировой экономики, международной экономической деятельности, выражающаяся в постепенном (хотя далеко не всегда последовательном и прямолинейном) ослаблении или устранении препятствий на пути международного движения товаров, услуг, объектов интеллектуальной собственности, труда, капитала, финансовых ресурсов.

Регионализация - мировой экономики, международной экономической деятельности, выражающаяся в формировании на всех континентах межгосударственных объединений (зон свободной торговли, таможенных союзов, "общих рынков", экономических сообществ и т.п.), предусматривающих создание благоприятных условий для развития экономических связей между странами-участниками. Примером наиболее далеко зашедшей и глубокой региональной экономической интеграции может служить Европейский Союз, объединяющий ныне 15 стран и готовящийся к дальнейшему расширению за счет приема новых членов из числа стран Центральной и Восточной Европы. При этом следует иметь в виду, что

каждая из этих тенденций находится под влиянием как национальных особенностей, исторических традиций, экономической структуры отдельных стран, так и всей международной экономической и политической обстановки. Поэтому формы проявления данных тенденций часто и не всегда предсказуемо изменяются, усложняя общую ситуацию, и без того полную противоречий, связанных с усилением международной конкуренции. Кроме того, все указанные тенденции находятся во взаимосвязи друг с другом, образуя в своей совокупности весьма динамичную, сложную и противоречивую систему мировой экономики на ее современном этапе. Следует подчеркнуть этот термин - "противоречия", ибо в нем - ключ к пониманию новейших особенностей и тенденций мировой экономики, ее положительных, позитивных и отрицательных, негативных проявлений и последствий.

Эти тенденции имеют существенное значение для России, их необходимо внимательно учитывать при формировании внешнеэкономической, да и всей экономической стратегии и политики и на ближайшие годы и на более отдаленную перспективу. Во-первых, данные тенденции характеризуют тот внешний мир, с которым взаимодействуют, сотрудничают и в дальнейшем все более тесно будет сотрудничать Россия. Во-вторых, они обозначают определенные ориентиры и для направлений внутреннего экономического развития страны, которая стремится к интеграции в мировое хозяйство в ее современных формах.

Регионалистика - междисциплинарное научное направление, которое изучает объективные процессы формирования территориальных сообществ, стремящихся эффективнее использовать внешние и внутренние факторы развития и противостоять цивилизационным вызовам. Это наука о целостных территориальных общностях, выделенных на основе "множества в единстве". Такие общности обладают цивилизационным (социокультурным) кодом на макрорегиональном, региональном (страноведческом) и субрегиональном уровнях.

Регионалистика исследует трансформацию территориальной организации производительных сил под воздействие внешних геополитических (геоэкономических) и внутренних факторов. Регионы способствуют защите общественных отношений от негативных вызовов глобализации и выступают в качестве самостоятельного субъекта международных отношений. Выделяются три основных таксономических региональных уровня: надгосударственный (региональные группировки), страноведческий и внутригосударственный. По отношению к каждому из них можно

выделить субрегиональный и трансграничный уровень. Регионалистика изучает трансформацию геополитического, геоэкономического и социокультурного регионального кода, ведет поиск эффективного геопространства, позволяющего отвечать на внешние и внутренние вызовы. Она особое внимание уделяет повышению качества жизни территориальных общин за счет активного участия регионов в международном разделении труда и использования различных форм трансграничного сотрудничества.

Современный регионализм обусловлен возрастанием роли функций места и социального времени. Выработка геостратегии или технологии реализации приоритетов регионального развития в многомерном коммуникационном пространстве особенно актуальна в условиях либерализации международных экономических отношений (совместное предпринимательство, внешнеэкономические связи, свободные экономические зоны, приграничное сотрудничество, трансмодальные коридоры и др.). Для восточно-европейских стран с переходной экономикой по ряду причин особенно актуальна проблема использования европейского регионализма и местного самоуправления.

Теории регионального развития

До начала 90-х годов существовали модели регионального развития в рамках капиталистической или социалистической систем. В западных моделях преимущество отводилось открытой экономике, а в советских - региональному развитию в условиях ограниченного участия в международном разделении труда. В постбиполярном мире возникла острая необходимость в формировании новых подходов к регионалистике.

Мировой регионализм является одним из этапов глобализации или ее противоположной тенденцией. Глобализация сопровождается регионализацией международных отношений, передачи части государственных функций на международный или субнациональный уровень. Регионы способствуют защите общественных отношений от негативных вызовов глобализации и выступают в

качестве самостоятельного субъекта международных отношений. Регионализация (районирование) - это процесс деления целого на целые части, тогда как территориальная дифференциация означает деление целого на функциональные части. По функциональным признакам различается военно-политический, экономический и культурный регионализм. Геополитическая регионализация означает выделение и создание "больших пространств" (региональных группировок), чья военно-политическая и экономическая мощь может противостоять мировому гегемону.

В современном мире успешно развивается европейский (западный) регионализм, основанный на приоритете прав и интересов личности перед правами и интересами любой общности. Американский регионализм превратил географическую периферию в полюса высоких технологий. Китай и другие азиатские государства демонстрируют модель восточного регионализма, основанного на сочетании поэтапной открытости к мировым рынкам с авторитарной государственной властью.

Известно множество учений о региональном развитии. Значительно меньше теории и концепций, выделяющих регионы как субъекты международных отношений. Здесь доминируют теоретические представления о "Больших" и "Малых" пространствах Фридриха Листа, Карла Шмита, Поля Видаль де ла Блаша, Джона Мейнарда Кейнса, Фернана Броделя, Иммануэля Валлерстайна и др. Западной интеллектуальной мысли дорога идея создания Соединенных Штатов Европы - общего "Европейского дома", сопоставимого по экономической мощи с США. В основе этой идеи - атлантическая модель, берущая начало от американской революции. Европейский регионализм основан на принципах "атлантического" федерализма", предусматривающего освобождение гражданского общества из-под опеки государства. Сущность европейского регионализма заключается в поэтапном переходе от наднациональных объединений к Европе регионов. В этом процессе Совет Европы идет впереди Европейского Союза, закладывая фундамент будущего гражданского общества. Таким образом, сущность регионализма заключается в интеграции по формуле "Европа регионов". В основе европейского регионализма лежит теория субсидиарности, предусматривающая в общественных отношениях приоритет прав и интересов личности перед правами и интересами любой общности. В западной Европе принцип субсидиарности предусматривает четкое распределение

прав и обязанностей по исполнительной вертикали с делегированием полномочий на тот территориальный уровень, где они могут исполняться наиболее эффективно.[3]

Не существует универсальных теорий регионалистики. Вышеперечисленные подходы родились в границах определенной цивилизации. Было бы некорректно распространять эти учения на восточные цивилизации. На Востоке существует другой подход к регионалистике. Согласно китайской традиции, он исходит из философии Великого китайского порядка - приоритета государства над человеком, селективной приемственности чужих материальных достижений. Китай настолько самодостаточен, что надгосударственные региональные группировки не играют существенной роли в международных отношениях.

В двадцатом столетии широкую известность получили учения о территориально-производственном комплексобразовании и полюсах роста. Теория территориально-производственных комплексов (ТПК) была разработана в трудах Н.Н. Колосовского и других советских ученых и положена в основу экономического (производственного) районирования. Ее основу составляет технология энерго-производственных циклов. В результате взаимообусловленного сочетания данного вида сырья и энергии, создания единой региональной инфраструктуры достигался определенный экономический эффект. В условиях социалистического хозяйства эта теория рассматривалась как альтернатива чрезмерно централизованной экономике, а ТПК стали объектами государственного планирования. Однако на практике не удавалось преодолеть диспропорции в региональном развитии. Вместе с тем опыт теории ТПК использовался при реализации региональных программ развития в США и других странах. Выделяют пять основных этапов региональной экономической интеграции: Зона свободной торговли, Таможенный союз, Единый или общий рынок, Экономический союз, Экономический и валютный союз.

Единственной региональной группировкой, прошедшей через все этапы экономической интеграции, является Европейский Союз, приступивший к формированию политического объединения с собственной конституцией и внешней политикой.

Зона свободной торговли (ЗСТ) - преференциальная зона, территория нескольких государств с ликвидированными тарифными и другими барьерами. Конкретные соглашения предусматривают создание ЗСТ промышленными товарами в течение ряда лет путем постепенной взаимной отмены таможенных пошлин и

других нетарифных ограничений. По отношению к сельскохозяйственным товарам либерализация носит ограниченный характер. ЗСТ обеспечивают, как правило, стабильный и предсказуемый характер торговой политики стран-участниц.

Таможенный союз - форма коллективного протекционизма, соглашение стран-участниц о введении наряду с ликвидированными барьерами во внутрорегиональной торговле единых таможенных территорий одной при полной отмене таможенных пошлин и создание единого внешнего таможенного тарифа.

Единый или общий рынок - общий рынок нескольких государств.

Экономический союз - единое экономическое пространство нескольких государств со свободным без ограничений перемещением между странами - участницами объединения.

Экономический и валютный союз - единое экономическое и валютное пространство.

Типология регионализации

Экономическая регионализация - сравнительно новый процесс, возникший в международных отношениях после Второй мировой войны. Под ним можно понимать образование и развитие экономических объединений географически близкими государствами. В основе подобных группировок лежат соглашения преференциального характера. Однако на практике существуют два разных типа и один подтип регионализации: возрождение (зарождение) региональных держав, формирование региональных (интеграционных) группировок и возникновение так называемых треугольников развития.

Под первым типом понимается способность той или иной сравнительно крупной страны навязывать свою волю сопредельным, как правило, малым странам относительно мирными, дипломатическими (как политическими, так и экономическими) методами. Иными словами, возникновение и существование региональной державы изначально предполагает значительное неравенство экономической мощи сопредельных государств. Формирование таких региональных групп поначалу преследует преимущественно политико-экономические цели. Как

правило, взаимоотношения в таких образованиях не определяются каким-то всеобъемлющим соглашением и часто строятся на неформальных основах. Слабость юридической базы объясняется также тем, что крупные страны редко находятся в зависимости от малых и отношений между самими малыми государствами, т.е. общего кодекса поведения.

Решающим для устойчивости таких образований фактором является постоянство внешних угроз или (что лучше) взаимовыгодный характер экономического сотрудничества (унаследованный или приобретаемый), формирование элементов общего хозяйства, взаимодополняемость. Однако добиться такого качества отношений не всегда просто. Высок риск ухода малых участников по политическим и другим мотивам. Нередко малые страны опасаются даже серьезных инвесторов из региональной державы, стремятся всемерно диверсифицировать внешние связи. Крупные колебания мировой конъюнктуры, в свою очередь способны выбивать из группировки отдельных членов. Поэтому элементы общего хозяйства должны по возможности усиливаться и распространяться вширь, повышая относительную независимость всех членов. Однако основной набор таких элементов обычно есть только у региональной державы.

На первый взгляд, более устойчива и продуктивна регионализация второго типа. Эффективность таких объединений повышает относительное равенство потенциалов участвующих государств, как правило, создается и более прочная юридическая база сотрудничества. Сопоставимым по мощи участникам легче отказаться от какой-то части суверенитета в пользу национальных органов, обеспечить в них свое осязаемое и пропорциональное представительство. Куда активнее и успешнее может быть их внешнеэкономическая деятельность, постепенно все лучше координируемая.

Тем не менее наблюдается параллельное существование региональных держав и региональных интеграционных группировок. Казалось бы, очевидное преимущество объединений второго типа на практике не ведет к массовому оттоку в них малых стран из под крыльев региональных держав. Здесь есть о чем подумать. Возможно, восходящие волны мировой конъюнктуры больше способствуют регионализации второго типа. Понижательные же фазы (начало последней относят к середине 1970-х годов) укрепляют объединения вокруг региональных держав. Но это, разумеется не единственная причина.

Формирования региональных держав и интеграционных группировок

На первый взгляд, хронологически первыми возникли региональные державы. Можно напомнить, что в 18 веке такие отношения существовали между Англией и Португалией, Россией и Швецией, Францией и Баварией и т.д. Связи строились не только на военном и экономическом превосходстве великих держав, но и на прямом подкупе правящей элиты (пенсией) в странах меньшего размера, свою роль играло и родство правящей аристократии. Поскольку в тот период мировая экспортная квота составляла менее 1%, а международное движение капиталов еще не началось, в основе этих отношений лежали политика и легкомыслие.

Однако с началом промышленного переворота отмеченный выше тип отношений постепенно слабеет. Дело в том, что при материалоемком типе начального индустриального развития европейских стран сам его процесс зависит от поступления промышленного сырья извне, а сопредельные страны им, как правило, не обладают. При значительных остатках натуральности в окружающем зарубежье уровень экономических и социокультурных контактов оказывается невысоким, а одна политика поддержать эти связи не в состоянии.

Неудовлетворенная потребность в сырье влечет за собой колониальную экспансию, которая позволяет насытить индустриальный спрос на сырье и сбыт. Но колониальная экспансия могла продолжаться лишь за счет не столь уж многочисленных стран и территорий, расположенных в субтропической и тропической зонах, где производительность труда (в силу природно-климатических условий) обеспечивала возможность изъятия относительно большого прибавочного продукта. Поэтому формирование колониальной системы сопровождалось постепенным ослаблением опоздавших к пирогу региональных держав и их уходом с мировой авансены в конце 19 - начале 20 века, в том числе в результате участия в Первой мировой войне.

Возрождение региональных держав (если не считать Японии, Италии, СССР и Германии в межвоенный период) происходит лишь в 80-90-х годах 20 века. Видимо, этому способствовало ослабление холодной войны и смягчение контроля США и СССР над дисциплиной в блоках; возможно, разворачиванию этого процесса содействовали и другие факторы - географические, экономические, культурно-конфессиональные и пр. Перечисленные и другие обстоятельства дали возможность ряду сравнительно крупных и экономически достаточно мощных держав установить определенную степень неформального контроля над слабыми сопредельными государствами. Поскольку региональные державы заинтересованы главным образом в достижении своих целей в политической сфере, расширение экономического взаимодействия с соседями здесь пока носит характер побочного эффекта.

К числу региональных держав можно отнести Австралию, Индию, Китай, Саудовскую Аравию, в какой-то степени ЮАР и Бразилию. В конце 20 века ряды региональных держав пополнились Россией. По-видимому, время для формирования таких субъектов в Западной Европе уже шло, а в Тропической Африке еще не наступило. Поскольку ни одна региональная держава не входит в состав мирового центра, их влияние на международные отношения оказывается ограниченным, но в то же время их существование лимитирует и деятельность мировых лидеров, ибо они вынуждены считаться с зоной влияния каждой региональной державы. Этот тип регионализма достаточно стабилен, и его носители в целом склонны к сравнительно пассивному участию в мировой экономике.

Более динамичные процессы происходят при формировании региональных объединений. Они стали появляться во множестве в послевоенный период в связи с резким расширением международного разделения труда, когда сама возможность расширенного воспроизводства сильно зависела от эффективности внешнеэкономических связей и преодоления колониального раздела земного шара. Импульсы к их становлению и энтузиазму регионализма обычно приходили извне (деколонизация, распад биполярных и гегемонистских систем мироустройства, соревнование между разделенными нациями и их воссоединением и т.д.).

Возникновение интеграционной группировки часто вынуждает другие страны прибегать к аналогичным мерам. Так, образование "Общего рынка" заставило другие европейские страны создать ЕАСТ, а расширение ЕЭС и превращение его в ЕС вызвало формирование НАФТА и т.д.

Успех "Общего рынка" на путях экономической интеграции вызвал бурную имитационную деятельность по созданию региональных объединений во всех частях света. Однако очень быстро многие из них распались из-за политических разногласий, отсутствия предварительной проработки экономических проблем и т.п. Новый этап формирования или расширения региональных интеграционных группировок начался в 1990-х годах в связи с несколько искусственным расширением рынков мировых лидеров и коммуникационной глобализацией. Именно ее импульсы, увеличившие неустойчивость хозяйств менее развитых или просто малых стран, стимулировали новый прилив экономической регионализации. В результате в конце минувшего века в мире существовало, как минимум, пять относительно успешных интеграционных группировок, в которые входило свыше 50 стран (АСЕАН, ЕС, Меркосур, НАФТА, ОЭС).

Экономико-политическое взаимодействие между странами-членами таких объединений создает пространство, на котором частично снимаются внутренние барьеры для торговли и инвестиций, а также создается или не создается (в зависимости от способа объединения) общая таможенная политика. Для укрепления взаимных связей проводится координация других направлений экономической политики - налогово-бюджетной, денежно-кредитной, транспортной, энергетической, социальной и пр.

В результате в интеграционной группировке фактически возникает преференциальный режим для стран-членов и их фирм, тогда как компании других стран этим льготным режимом не пользуются. Льготы для предприятий стран-членов на обособленном экономическом пространстве могут и выталкивать часть производства за его границы, тем самым, способствуя глобализации. Но в основном они все-таки способствуют удержанию капитала своих членов в регионе, и со

временем внутрирегиональное сотрудничество начинает набирать обороты. Эмпирический материал показывает опережающий рост внутрирегиональной торговли. Она, впрочем, может стимулироваться и благодаря встречным капиталовложениям, как национальным так и ТНК.

Возникнув и доказав свою эффективность, региональное интеграционное объединение начинает самовоспроизводиться и закрепляться как особая, относительно обособленная часть мировой экономики. С одной стороны, это достигается путем принятия соответствующего законодательства, например, о максимальной доле импортных деталей, тяжбами с ВТО и МВФ, а с другой - консенсусным принятием новых членов в интеграционную группировку. Эффективные региональные объединения нередко привлекают новых членов, тем самым расширяя этот сегмент мировой экономики. Часто получается так, что новые члены даже больше зависят от внутрирегиональной торговли, чем старожилы.

В результате опережающий рост внутрирегиональных связей получает дополнительный импульс. В то же время далеко не все интеграционные объединения оказываются достаточно эффективными. Поэтому у малых стран, поначалу на них рассчитывавших, практически не остается другого пути, как налаживать отношения с той или иной региональной державой и отчаянно маневрировать в поисках моделей мало-мальски равноправного партнерства. Тяжелые, но жизненно необходимые для спасения национального хозяйства уступки все же лучше, чем перспектива превращения в игральные кости мировой экономики.

Между тем на рубеже веков интеграционные процессы второго типа в мировом пространстве заметно усилились. Достаточно отметить расширение ЕС, создание новых группировок на постсоветском пространстве, активизацию интеграционных процессов в регионах Южной Азии и Латинской Америки. В экономическом плане это вызывается продолжающимся натиском глобализации, а в политическом - трансформацией биполярной системы в монополярную. Оба эти процесса усиливают нестабильность в окружающем мире, которая вынуждает многие страны искать защиты в региональных интеграционных объединениях. Именно поэтому значение регионализации как препятствия глобализации возрастает.

Как подтип регионализации возникли так называемые треугольники развития. Наиболее часто примером такого треугольника называется взаимодействие между Сингапуром, малазийским штатом Джохор и индонезийскими островами Рийк. Быстрое развитие экономических связей, включающее перемещение товаров, услуг, капиталов, технологий и рабочей силы, придает этим территориям вид регионального пространства, отличающегося высокой эффективностью производства. Но при этом суверенитет правительств Индонезии и Малайзии над подвластными территориями ослабевает. Хотя схожие анклавов возникают и в других регионах мира, по-видимому, жизнеспособными они могут оказаться лишь в тех случаях, когда экономическое взаимодействие развивается между территориями государств, входящими в одни и те же интеграционные группировки, способные сбалансировать прибыли и убытки. Представляется, что в других случаях государства будут принимать жесткие меры для того, чтобы не утратить суверенитета над "треугольными" территориями. Поэтому такой подтип сотрудничества может внести лишь ограниченный вклад в регионализацию и находится между нею и глобализацией.

Столь же эклектичен и так называемый открытый регионализм. Его идеологи утверждают, что он ведет к сотрудничеству не только внутри региональной группировки, но и между всеми объединениями, а также внутри всей мировой системы, что очень эффективно. Явными сторонниками "открытого регионализма" выступают страны, с одной стороны, активно втянутые в международное разделение труда, а с другой - своеобразные аутсайдеры, не входящие в складывающиеся региональные группировки (например Южная Корея). В отличие от прошлого экономические связи члена региональной группировки с любым государством, не входящим в ее состав, не ограничиваются (ЕС, АСЕАН, НАФТА). Напомним о длительных дискуссиях по поводу приема новых членов в первые две организации. По-видимому, менее выгодны и сами эти связи. Поэтому, как представляется, "открытый регионализм" внутренне противоречив и не имеет самостоятельного значения.

Распространено мнение, что в последние десятилетия нарастает самодостаточность развитых стран (членов ОЭСР), чему в немалой степени способствовали успехи "новой экономики" и легкое получение доступа к ресурсам

ряда "переходных" стран в 1990-е годы. Но при таком понимании получается, что в мире возникают две подсистемы. Одна состоит из группы развитых и небольшого числа близко примыкающих к ним развивающихся стран, вовлеченных в глобализацию. Вторую образует весь остальной массив государств, слабо затронутых этим процессом. В реальности же правомернее говорить о двух тенденциях в мировом развитии: к глобализации и к регионализации, поскольку все страны, так или иначе, участвуют в обоих процессах.

Как известно, процессы глобализации вызваны как углублением международного разделения труда (в его неизменно "прогрессивных" формах), так и давлением крупнейших держав, крупных международных институтов и ТНК. Требуя от всех экономических субъектов повышения денежной эффективности хозяйств, глобализм просто не дает менее развитым странам достаточно времени, чтобы создать необходимую для этого базу. Действия же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам более слабых участников: им для разминки предоставляются более легкие рынки - не только в экономическом, но и в политическом, социальном и культурном плане.

За глобализмом и регионализмом стоят довольно мощные силы, что делает малопредсказуемым исход их борьбы. Однако есть основания полагать, что она будет достаточно продолжительной. Одним из факторов, способных существенно улучшить позиции регионалистов, может стать более тесное политико-экономическое взаимодействие участников регионализаций описанных нами основных типов. Это уже происходит: весьма важным и символическим представляется соглашение о зоне свободной торговли, подписанное между Китаем и АСЕАН в конце 2001 г.

С появлением регионализации первых двух типов расстановка сил в мире заметно усложнилась. Она чем-то напоминает период иерархической системы (тогда Великобритании противостояли не только отдельные страны с сугубо индивидуальными интересами, но и центры силы, представленные преимущественно колониальными и полуколониальными империями). И ныне мы видим взаимодействие трех типов субъектов международных отношений: отдельных стран,

далеко не равных между собой по совокупному потенциалу, региональных держав и региональных интеграционных объединений. При этом роли отдельных субъектов могут накладываться друг на друга: часть стран может выступать в разных ипостасях. При этом "индивидуалисты" способны занимать более гибкие позиции: в зависимости от обстоятельств они идут на компромиссы, уступки, временные соглашения и т.п. Что же касается региональных держав и состоявшихся экономически региональных объединений, то их позиции выглядят более определенными. Пределы их гибкости очень ограничены, так как само их появление обязано определенному консенсусу стран-участниц. Поэтому их развитие может быть лишь постепенным. В этом смысле именно поэтапный регионализм способен придать столь необходимую стабильность современным международным отношениям. В нем, помимо прочего, ощущается явное предпочтение прочности и консерватизма хозяйства в противовес "безумствам" нынешней мировой экономики.

Между регионализацией различных типов и глобализацией пока нет антагонизма, и он не желателен для всех. "Непримиримыми" могут оказаться идеологи - сторонники глобализма и регионализма. Важно, чтобы они нашли общий язык, сумели договориться об общих целях и неизбежных остановках на пути к ним. Беда в том, что глобализация в нынешнем виде, фактически является препятствием на пути к созданию мирового хозяйства, как централизованного, так и кластерного.

ВТО, в свою очередь, заявляя о равном доступе к рынкам и добиваясь постоянного снижения тарифов, в упор не видит того, что такие снижения все сильнее дискриминируют производителей, работающих только на внутреннем рынке (по сравнению с экспортерами и импортерами). В результате все заботы Запада о малом бизнесе оборачиваются лицемерными подачками тем, у кого отбирают рынок. О вечно не замечаемом аграрном протекционизме Запада написаны уже тысячи работ. Страны ОЭСР при вздутых непомерно высоким потреблением и полувоздушным деньгами ценах на своих внутренних рынках регулярно проводят "антидемпинговые" расследования против государств, где деньги и цены еще продолжают играть роль рыночного распределителя ресурсов. Тучи инструкторов-транзитологов тратят гигантские суммы на пропаганду облегченных до комиксов вариантов экономикс, как бы не замечая, что "переходные страны" - это фикция, а в развитых странах рынок

близок к агонии по причине перехода на договорные деньги и небывалого разгула монополий и картелей.

Распределение голосов в МВФ и ВТО решительно не отражают действительного соотношения сил ни в мировой экономике, ни в международной торговле. Покупательная способность денег - их единственная цена, все остальное - о лукавого, т.е. создания товаров и услуг, которые средний житель планеты никогда не купит из уважения к своему труду. Разумеется, жизнь в МВФ и ВТО не стоит на месте, но необходимость радикальных реформ обеих организаций, прежде всего в сторону поощрения ими регионализации, совершенно упускается из виду. Если таких реформ не провести, то векторы глобализации, с одной стороны, и обоих типов регионализации - с другой, разойдутся настолько, что само существование глобальных институтов потеряет смысл, а кризис доллара может превратиться в финансовую катастрофу.

Усиление тенденций регионализации определяется и современными технологиями общественного регулирования. "Цивилизации прежних эпох не нуждались в целостной концепции регионального деления общества, основанной на признании множественности организационно-территориальных принципов его строения. В современном мире усложняющаяся структура общества потребует не столько иерархии социальных отношений, сколько их координации. Дисперсия власти в дальнейшем должна усилить автономность многочисленных и разнообразных этнических, конфессиональных, культурных сообществ, существующих в каждой стране".

Какая же ступень организации различных государственных или административных сообществ может рассматриваться как промежуточная? Регион и есть тот самый мезоуровень организации мирового социального сообщества, который позволяет одновременно не только ослабить и разрешить противоречия между глобальными и антиглобальными процессами, но и, что очень важно, сообщить определенную "глобальность" локальным процессам, и, наоборот, адаптировать общепланетарные тенденции к местной культурно-исторической специфике. Регион сегодня является промежуточной зоной, проводящей социальной средой,

сопричастной как внутреннему, так и внешнему пространству. Именно на этой ступени общественной самоорганизации устанавливается баланс между интеграцией и дезинтеграцией, между центром и периферией, между централистскими и сепаратистскими тенденциями, между многими другими социальными противоречиями современного общественного развития. Следовательно, регионализация это не только способ государств приспособиться к условиям всеобщей глобализации, но и стремление приспособить глобальные тенденции к своим локальным интересам. Иными словами, регионализация - это путь к равновесию общепланетарной системы.

При этом само понятие "регион" не является застывшим, строго математически очерченным. Это может быть и внутригосударственное, и межгосударственное образование, а один регион может входить в состав другого, более крупного региона. То есть данная категория универсальна, операциональна и продуктивна настолько, насколько универсальна, операциональна и продуктивна в принципе любая типология и классификация в области социального знания. А региональные особенности представляют собой совокупность природных, социально-экономических, культурных и институциональных условий, сложившихся в регионе и отличающих его от других регионов.

В социально-экономическом плане территориальная специализация региона входит как элемент в общую систему международного разделения труда. Одна из современных тенденций развития мирового хозяйства заключается в том, что само по себе местоположение все чаще интерпретируется как рыночная региональная среда, а конкуренция на мировом рынке идет уже не столько между национальными государствами, сколько между регионами. Причем этнокультурная компонента становится решающим критерием для оценки уровня конкурентоспособности региона. Но, отдавая должное экономическому аспекту, следует подчеркнуть, что задачи консолидации регионального социума являются сегодня не менее важными, чем обеспечение экономической эффективности и конкурентоспособности.

Региональное консолидирование не только тесно связано с глобальными процессами, но в значительной мере является их прямым следствием. В этом

смысле регионализация возникла в современном мире, прежде всего в ответ на экономические и политические вызовы новейшей истории.

Поэтому, признавая взаимозависимость глобальных и региональных процессов, следует все же исходить из того, что второй является в значительной мере реакцией на первый. Как правило, эта реакция, основываясь на культурно-исторических особенностях государств, выходит на ту или иную форму региональной солидарности, часто преодолевая при этом сложившиеся исторические традиции иногда и вопреки взаимной неприязни этносов, входящих в этот регион. В основе регионализации, а следовательно, и региональной солидарности обычно лежат самые очевидные критерии. Например, традиционно выделяются западная и восточная части пространства как элементы социальной целостности, каждый из которых обладает таким уровнем специфических свойств, который позволяет их не только сопоставлять, но и противопоставлять. Одна из глобальных тенденций заключается в том, что классическая антитеза Запад-Восток все чаще заменяется другой антитезой - Север-Юг.

В Европе этот критерий регионализации уже оформился в виде "Южного измерения" и "Северного измерения". В свете изменений, происшедших за последнее десятилетие, понятие "Северная Европа" стало значительно более широким и многомерным, чем раньше. Было бы естественно рассматривать и традиционные северные страны и государства района Балтийского моря как взаимосвязанные составляющие единого региона. В общественном мнении стран Северной Европы все больше укрепляется понимание того, что в североевропейское пространство должен входить Северо-Запад России. Таким образом, рост региональной консолидации объективно способствует интеграции общеевропейского пространства, и этот его аспект является для России особенно ценным и актуальным.

Региональные объединения

Под воздействием глобализации и регионализации конец 20 века был отмечен ослаблением влияния национального государства и интенсивным сближением стран. Региональные объединения являются наиболее продуктивной формой современной социальной солидарности этнокультурных сообществ. Оформившийся в последние годы Европейский союз может служить наиболее типичным примером такой консолидации, и прежде всего по отношению к малочисленным этносам. "В сообществах, объединяющих 2-5 миллионов человек, нет устойчивости, - замечает французский социолог Теодор Зэлдин, - они, тем не менее, представляются основой для создания Европы регионов, которая должна заменить Европу государств".

Еще в начале 90-х гг. Ален Турен отмечал, что "страны, верившие в возможность экономической трансформации при сохранении унаследованных от прошлого форм социальной организации, рискуют оказаться не способными глубоко проникнуть в постиндустриальное общество. Именно это происходит в Западной Европе, которая экономически достаточно современна, чтобы пойти вслед за американским обществом, но в социальном плане недостаточно современна, чтобы стать автономным очагом развития". Несколько лет назад З. Бжезинский писал, что "современная Западная Европа производит впечатление попавшей в затруднительное положение, не имеющей цели, хотя и благополучной, но беспокойной в социальном плане группы обществ, не принимающих участие в реализации каких-либо крупных идей".

Нынешний процесс европейской интеграции означает стремление ослабить отставание в социальном развитии. Ведь западные европейцы объединяются совсем не потому, что испытывают симпатию друг к другу (немцы к французам, англичане к немцам, англичане и французы друг к другу и т.д.), а потому что сами по себе в отдельности они не могут адекватно отреагировать на общепланетарные вызовы. Ограниченность возможностей государств обусловлена не только их слабостью или, по крайней мере, не только ею.

Даже самые благополучные и стабильные во всех отношениях страны Запада с сильным государственным аппаратом все острее ощущают неспособность решить

собственными средствами многие задачи (национальную безопасность, устойчивость развития экономики, борьбу с преступностью, проблемы экологии и т.д.), поскольку многие угрозы их внутреннему равновесию и безопасности возникают извне. Нейтрализация этих угроз, так же как и создание устойчивой экономики, невозможно без постоянного и широкого сотрудничества с сопредельными государствами. Поэтому страны, которые географически находятся ближе друг к другу, пытаются укрепить взаимные связи, чтобы в глобальной мировой системе сообща представлять свои интересы.

Объединение Европы, которое представляет собой социальную интеграцию высшего уровня, повлечет за собой децентрализацию на уровне локальном. В этих условиях большие нации вынуждены будут отказаться от части своих полномочий, а региональные структуры получат больше прав. В современном мире нация-государство перестало быть единственным субъектом международных отношений.

Сегодня государства проявляют все более гибкое понимание своих суверенных прав и отстаивают их, исходя из конкретных обстоятельств. Таким образом, происходит выравнивание не только политического веса различных стран, но создаются объективные предпосылки для сохранения и развития локальных очагов самобытных социокультурных явлений. Ведь именно это и происходит в Евросоюзе, который на сегодняшний день является наиболее продвинутым региональным интеграционным проектом. Когда страна вступает в Европейский Союз, больше всего теряют государственные органы власти - парламенты и правительства. А локальная, местная власть по-прежнему остается сильной, более того, теперь ее значение в этих условиях даже возрастает, что еще раз подчеркивает данные тенденции.

Регион в географическом смысле

В географическом смысле регион представляет собой часть страны или группу близлежащих стран, составляющих определенную целостность, отличающуюся

совокупностью естественных и исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических, демографических и социокультурных особенностей. В нашей литературе регион обычно рассматривается в природном, экономическом, политическом и административном аспектах. Но "за последнее время понятие региона существенно изменилось, - справедливо отмечает Г. Е. Зборовский, - получило дополнительные характеристики". В первую очередь это касается социокультурного аспекта. Категория "региональное" как более абстрактная вбирает в себя различные этнокультурные начала, преодолевает изолированность отдельных локальных пространств и малых сообществ, создавая новое социальное качество. Система признаков, определяющих принадлежность тех или иных областей к общей их совокупности, глубоко уходит корнями в историю, культуру, экономику, политику. И ее границы должны определяться исходя из более широкого понимания, чем дает только география.

Для обозначения регионов, населенных близкими по своим культурно-историческим характеристикам этническими сообществами, давно используются типологические определения, обобщающие в условном географическом названии вполне очевидное социально-культурное содержание. Например, в Европе это "Средиземноморье", "Балканы", "Кавказ", "Скандинавия", "Северные страны", в которых на единой природно-ландшафтной основе в процессе социогенеза сложилось определенное культурно-историческое единство. Как историческое понятие "регион Балтийского моря" впервые появилось во времена Ганзейского союза, куда входили и Великий Новгород и Псков в 14 веке, хотя многие области этой зоны относились к Ганзейской торговой системе только косвенно. Успехи в развитии стран Ганзейского союза в 14-18 вв. еще раз подчеркивают эффективность экономической основы регионализации. В современном мире региональная экономическая специализация становится все более важным направлением международного разделения труда.

Тогда же, в 14 веке термин "Прибалтика" получил распространение в России, обозначая одновременно и географическое пространство, и ареал различных балтийских народов (в собирательном значении - прибалтов), составляющий ныне территорию Латвии, Литвы и Эстонии. С тех пор в историческом сознании россиян укрепилось устойчивое и цельное представление об этом регионе. Таким образом, следует рассматривать бывшую советскую Прибалтику, а ныне страны Балтии как регион, который входит составной частью в более обширный - регион государств

Балтийского моря. Целостность этого социального образования находит отражение в его восприятии окружающим социумом. Неспособность большинства западноевропейцев как-то дифференцировать жителей Прибалтики в равной мере остро чувствуют и латыши, и литовцы, и эстонцы. Да и для более близкого к ним населения России характерно восприятие этих трех этносов как единого народа.

Исходным моментом для нас является то, что население региона составляет определенную целостность, что в совокупности квалифицируется как региональные особенности. Они представляют собой более высокий уровень обобщения по сравнению с этническими особенностями, так как региональное сообщество может включать в себя несколько этносов, но менее высокий по сравнению с цивилизационными особенностями, так как этот уровень представляет лишь часть цивилизации. Региональные особенности создают определенный стереотип социального поведения. В то же время в рамках этого общего стереотипа этнические сообщества, образующие население региона, обладают своими конкретными чертами, неповторимыми свойствами. С точки зрения системного подхода региональность (как целостность) и есть то самое новое качество, которое образуется в итоге взаимодействия и взаимного дополнения этнокультурных сообществ (как элементов), составляющих эту целостность. Поэтому исследование диалектики общего и особенного представляется нам важной частью социологии региона.

СТРУКТУРА МИРОВОГО ВВП

За почти пять послевоенных десятилетий масштабы и географическая структура мировой экономики существенно изменились. В целом мировой ВВП за 46 лет возрос почти в 5,9 раза. При этом экономический потенциал наиболее развитых регионов середины 20 века – Северной Америки, Европы, Австралии и Океании – увеличивался медленнее, чем мировой экономики в среднем. В результате их доля в ВВП мира заметно снизилась. Сокращение доли Северной Америки в мировой экономике полностью произошло за счет снижения в ней удельного веса США, в то время как доля остальных североамериканских стран возросла.

С другой стороны, несколько быстрее мирового потенциала в среднем росли экономические потенциалы Южной Америки и Африки, так что удельный вес этих регионов в мировой экономике несколько возрос. Однако настоящей «рекордсменкой» второй половины 20 века стала Азия. Ее ВВП возрос настолько, что ее доля в мировом ВВП возросла вдвое, что позволило ей стать крупнейшим экономическим регионом мира конца 20 начала 21 века. Если в 1950 г. совокупные размеры экономик азиатских стран более чем вдвое уступали аналогичным показателям и Европы, и Северной Америки, то сегодня Азия по размерам ВВП почти в 1,5 раза превосходит каждый из этих регионов. На динамику абсолютных размеров ВВП существенное влияние оказывает динамика численности населения. При росте мирового населения в целом в 2,3 раза население Северной Америки, Европы, бывших социалистических и развитых стран росло медленнее среднемировых показателей. В других группах стран население росло быстрее, причем наиболее быстро в странах-энергоэкспортерах и африканских странах.

СТРУКТУРА МИРОВОГО ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ

Различия в изменениях структуры мирового ВВП и мирового населения предопределены разной динамикой производства ВВП на душу населения в тех или иных странах, их группах и регионах мира. Наряду с населением величина ВВП на душу населения выступает важнейшим фактором, влияющим на динамику абсолютных размеров ВВП. При этом именно величина душевого производства ВВП используется, как правило, в качестве показателя уровня экономического развития, а его изменение – в качестве наиболее точного показателя темпов экономического роста в долгосрочной перспективе.

За послевоенные 46 лет производство мирового ВВП на душу населения возросло в 2,5 раза. Однако его рост по регионам и группам стран происходил крайне неравномерно. Хотя абсолютный уровень ВВП на душу населения в 1996 г. продолжал оставаться наиболее высоким в Северной Америке и Австралии и

Океании, именно в этих регионах, а также в Южной Америке и особенно в Африке его увеличение оказалось более медленным, чем в среднем в мире, что привело к снижению позиций рассматриваемых регионов по отношению к среднемировому уровню. В то же время в Европе и особенно в Азии темпы роста ВВП на душу населения превысили среднемировой показатель (в Азии – вдвое).

Несмотря на некоторые колебания, господствующей тенденцией в последние полвека стало постепенное смягчение дифференциации доходов и некоторое сближение относительных уровней экономического развития в странах с высокими и низкими показателями ВВП на душу населения. Удельный вес мирового ВВП, производимого в странах, где проживают 10% наиболее бедного населения увеличился с 1,2 до 1,5%, в то время как доля мирового ВВП, создаваемая в странах, где проживают наиболее богатые 10% населения мира, за эти годы снизилась с 44,1 до 40,4%. Уменьшился и разрыв между уровнями ВВП на душу населения в странах с их максимальными и минимальными значениями – со 128 до 108 раз.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Глобализация экономической деятельности является одной из главных тенденций в развитии современного мира, оказывающей громадное влияние не только на экономическую жизнь, но и влекущей за собой далеко идущие политические (внутренние и международные), социальные и даже культурно-цивилизационные последствия.

Основой глобализации являются прежде всего крупные иностранные инвестиции, т.е. вывоз капитала за границу с целью приобретения, контроля и управления - иногда совместно с национальным капиталом - реальной собственностью и получения соответствующих доходов от этой собственности. Этим прямые инвестиции, носящие, как правило, долгосрочный, стратегический характер, отличаются от портфельных инвестиций, связанных лишь со спекулятивными финансовыми операциями.

Прямые иностранные инвестиции в современном мире растут опережающими темпами по сравнению с темпами роста производства (валового внутреннего продукта) и с темпами роста международной торговли. Так, например, в 1997 г. валовой внутренний продукт (в масштабах всего мира) вырос на 1,2%, мировой экспорт (товаров и услуг) - на 2,9%, а вывоз капитала в виде прямых иностранных инвестиций на 25,1% (в 1998 г. - еще на 36,6%). При этом главной формой, в которой осуществляются эти инвестиции (примерно на 2/3), являются международные слияния и приобретения компаний [1].

На основе прямых иностранных инвестиций возникли и продолжают развиваться и укрепляться транснациональные корпорации, выступающие в качестве главных субъектов и несущего каркаса глобализации. Каждая такая корпорация (число их год от года растет и в 1998 г. составило 59902) имеет свои филиалы за границей (их общее количество в 1998 г. - 508239). Большая часть ТНК базируется в промышленно развитых странах (49806), в этих же странах расположены многие из их заграничных филиалов (94623) [1].

В этих условиях международная торговля как таковая в значительной своей части реализует процессы специализации и кооперирования либо в рамках одной и той же ТНК (между ее головным предприятием и филиалами в других странах или между разными филиалами), либо между ТНК или обычными компаниями разных стран. Примерно 1/3 мировой торговли - это торговля между предприятиями, входящими в ту или иную ТНК, а еще 1/3 - торговля между разными ТНК. В основе этой торговли все чаще лежат не разовые коммерческие сделки, а долгосрочные производственные связи на базе соответствующих альянсов, соглашений о сотрудничестве и т.п.

Так складывается и постепенно расширяется то, что называется международным производством, при котором на смену привычному обозначению "Сделано в такой-то стране" уже приходит - "Сделано в такой-то компании" (с участием предприятий в разных странах). При этом наиболее быстрыми темпами растет производство и экспорт высокотехнологических изделий, электронной промышленности, а также продукции фармацевтической и химической индустрии.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Глобализация экономической деятельности настоятельно требует ее либерализации, т.е. сокращения или устранения ограничений на путях международной торговли, иностранных инвестиций, международных финансовых операций. Именно это и происходит на протяжении последних десятилетий, именно этим прежде всего занималось межправительственное Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), а сейчас - с 1995 г. продолжает заниматься его преемница - Всемирная торговая организация (ВТО). От общего уровня открытости мировой экономики, от степени ее либерализации во многом зависит и дальнейший прогресс в области глобализации.

Глобализация и либерализация - две стороны одного и того же процесса, между ними существует тесная взаимосвязь. С одной стороны, все большее развитие международной производственной, торговой, финансовой деятельности на уровне компаний, банков, инвестиционных фондов, рост межстрановых слияний и поглощений компаний, расширение международной специализации и кооперирования производства объективно требуют устранения или ослабления препятствий и барьеров на этих путях. С другой стороны, либерализация сама по себе создает благоприятные условия для дальнейшей глобализации, стимулирует ее расширение и углубление. За последние годы сфера действия ГАТТ-ВТО расширилась. Ныне она охватывает международную торговлю не только товарами, но и услугами (Генеральное соглашение по торговле услугами - ГАТС), - речь идет о 160 видах услуг, перечисленных в 12 разделах. Кроме того заключено Соглашение по торговым аспектам защиты прав интеллектуальной собственности (ТРИПС).

Основной смысл ГАТС - меры по либерализации торговли услугами, которая, однако находится еще в начальной стадии. Что касается ТРИПС, то оно должно облегчить и стимулировать торговлю наукоемкими товарами, содержащими в себе интеллектуальную собственность.

Важная сфера либерализации международной экономики связана с режимом иностранных инвестиций. В отличие от международной торговли либерализация в этой области происходит не столько в виде широких многосторонних соглашений (типа ГАТТ и ГАТС), сколько на основе односторонних действий или двусторонних и групповых договоренностей, снимающих или ослабляющих ограничения на пути иностранных инвестиций и создающих лучшие условия для иностранных инвесторов.

Из 895 изменений в сфере регулирования иностранных инвестиций, происшедших в десятках стран в 1991-1998 г.г., 843, т.е. подавляющее большинство, предусматривало ослабление ограничений, либерализацию инвестиционного режима. Эти данные касаются мер, принятых в одностороннем порядке. К ним нужно добавить подобные меры, принятые на основе двусторонних соглашений, число которых к началу 1999 г. достигло 1726 с участием 174 стран, причем большинство из них были заключены в 1990-х гг.

Либерализация как преобладающая тенденция во внешнеэкономической политике связана с глубокими, но неизбежными противоречиями, так как при этом сталкиваются интересы разных экономических, политических и социальных сил, интересы различных сфер хозяйства, промышленных и финансовых групп и компаний, отраслей и стран.

В стратегической перспективе либерализация - императивное требование современной мировой экономики. Но в сфере текущих тактических интересов либерализация чревата неминуемыми преимуществами для одних компаний, отраслей, сфер хозяйств, стран и потерями для других. К тому же баланс "выигрышей и проигрышей" постоянно изменяется, так что какой-либо однозначный вывод здесь невозможен. Можно лишь определить некоторые общие закономерности.

Как правило, наиболее яркими поборниками "свободы торговли" выступают достаточно сильные и конкурентоспособные на мировых рынках страны, отрасли, компании. Но и они нередко (как ныне США) вопреки собственной общей позиции прибегают к протекционистским мерам, если возникает угроза их экономическим интересам.

Кроме того, в периоды благоприятной экономической конъюнктуры (в рамках мировой экономики в целом или отдельных регионов и стран) преимущества либерализации, ее выгоды для большинства групп и стран ощущаются в большей мере, а потому интенсивней идут соответствующие процессы в экономической политике.

Напротив, в периоды кризисов сильнее действует принцип "каждый сам за себя", "спасайся, кто и как может"; отсюда рецидивы протекционизма и откат назад от достигнутого уровня либерализации. Вот почему, хотя в долгосрочном плане эта тенденция представляется необратимой, она развивается и, очевидно, будет развиваться не прямолинейно; здесь неизбежны и зигзаги и попятное движение.

Приходится отметить, что уровень и характер внешнеэкономической либерализации в России в последние годы, т.е. на начальных ступенях перехода к рыночной экономике, не соответствовал и не соответствует состоянию российской экономики. Это касается, безусловно, необходимого, но слишком поспешного и широкого демонтажа государственной монополии внешней торговли, опередившего формирование эффективных хозяйственных субъектов и развитие рыночных отношений внутри страны. В результате государство лишилось значительной части необходимых валютных поступлений, отдав их в руки лиц (и в сфере производства и в обращении товаров), заботящихся не столько об инвестициях и развитии реального сектора экономики, сколько о собственном быстром обогащении. Вместе с тем был подорван один из важнейших источников пополнения государственного бюджета.

Это касается неоправданного отказа от многих инструментов государственного регулирования внешней торговли в национальных интересах (или ослабления этих инструментов), в том числе и тех, которые широко используют даже наиболее развитые в экономическом отношении страны.

В то же время на пути наиболее важного и перспективного для страны внешнеэкономического направления, в области прямых иностранных инвестиций, как в топливно-сырьевом секторе, так и в отраслях обрабатывающей промышленности, в том числе высокотехнологичных, сохранялись и сохраняются многочисленные законодательные и бюрократические рогатки, препятствующие созданию благоприятного инвестиционного климата (как для отечественных, так и тем более для зарубежных инвесторов).

Таким образом, внешнеэкономическая политика России (или зачастую отсутствие внятной и последовательной политики) способствовала отнюдь не действительной интеграции страны в современную глобальную экономику, а фактически ее

односторонней зависимости от мировых финансовых рынков и сохранению и даже усилению подчиненного статуса в системе международного разделения труда. В силу этого процессы глобализации до настоящего времени оборачиваются для России, прежде всего их негативными последствиями.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Наряду с глобализацией и либерализацией и в тесной взаимосвязи с ними четко обозначилась еще одна современная тенденция: регионализация мировой экономики. Это, так сказать, глобализация в ограниченных масштабах, охватывающая группу стран, создающих объединения, в которых происходит большая или меньшая либерализация торговли, движения капитала и людей в рамках соответствующей интеграционной группировки.

Наилучший пример этой тенденции дает Европейский союз в составе 15 западноевропейских стран, существующий уже свыше 40 лет и перешедший (в составе 11 стран) с 1 января 1999 г. на общую валюту - евро [2]. А всего, по данным ГАТТ/ВТО, к середине 90-х годов в мире насчитывалось более 30 интеграционных группировок различного типа (преференциальные торговые соглашения, зоны свободной торговли, таможенные союзы, "общие рынки", экономические (и валютные) союзы).

Регионализация приводит к опережающему росту внутрирегиональных экономических потоков (торговля, прямые инвестиции) по сравнению с их общей динамикой. На долю внутрирегиональной торговли в трех главных регионах (Западная Европа, Северная Америка, Азиатско-Тихоокеанский регион) приходится примерно половина мирового экспорта. А в Западной Европе, удельный вес внутрирегиональной торговли (экспорт) в общем экспорте западноевропейских стран превышает 70%.

Та же тенденция обнаруживается в виде значительной и в большинстве случаев растущей доли внутрирегиональных прямых инвестиций. Это видно на примере той же Западной Европы и Европейского союза, а также Японии и Юго-Восточной Азии.

Экономические отношения в рамках региональных группировок, конечно, либерализуются, здесь создается - в той или иной степени - единое экономическое пространство. Однако, страны, не входящие в данную группу (зону свободной торговли, таможенный союз, "общий рынок") оказываются в относительно худшем положении, даже если тарифные условия для них остаются прежними.

Процессы регионализации затрагивают чрезвычайно чувствительный и болезненный вопрос о государственном суверенитете. Каждый уровень интеграции означает утрату части экономического, а значит, и политического суверенитета стран-участников в пользу всей региональной группировки или даже единого наднационального органа, наделенного правом принятия решений без согласования с правительствами стран-членов.

Как видно, рост внешнеэкономических связей страны в современных условиях часто опирается на ее принадлежность к какой-то региональной экономической группировке. Опыт западноевропейской интеграции и некоторых других успешно развивающихся экономических группировок говорит о том, что основа этих процессов складывается на микроуровне, в виде взаимовыгодного сотрудничества конкретных компаний, банков, финансово-промышленных групп, их совместных инвестиционных проектов, создания смешанных предприятий и т.п. От этого зависит прочность такой группировки и взаимная заинтересованность ее участников. Чем прочнее такая группировка, чем сильнее внутренние связи и взаимная заинтересованность стран-участниц, тем успешнее развивается их взаимный товарооборот. Ничего подобного сейчас не наблюдается ни в рамках СНГ, ни в таможенном союзе 4-х (России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии). Опыт последних лет показывает, что объективные экономические условия, в частности, структура экономики этих стран, пока дают мало надежд на превращение СНГ в настоящую интеграционную группировку.

Важнейшими региональными партнерами России были, есть и будут европейские страны (до 40% внешней торговли России приходится на долю ЕС). И не только Германия или Франция, но и, например, Польша, Чехия, Венгрия (нынешние и будущие члены ЕС) [5]. Безусловно, правилен вывод о том, что экономическое

интегрирование наиболее успешно развивается между такими странами, которые в своем технико-экономическом развитии достигли высоких ступеней индустриализации и способны производить широкий ассортимент готовых изделий. Поэтому именно в Европе должен проходить главный вектор региональной экономической политики России (этот вектор охватывает также Белоруссию, Украину, Молдову). Отсюда курс на всемерное сближение России с Европейским союзом диктуется всей объективной геополитической и геоэкономической обстановкой. Другой вектор - Китай, Япония и другие азиатские страны.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Основной характеристикой экономик ведущих западных стран является формирование в их рамках замкнутой хозяйственной системы. Этот процесс может быть прослежен по *четырем* направлениям концентрации в постиндустриальном мире большей части интеллектуального и технологического потенциала человечества; сосредоточении основных торговых оборотов в пределах сообщества развитых держав; замыкании инвестиционных потоков и резком ограничении миграционных процессов из “третьего мира” в развитые регионы планеты.

Первое из этих направлений представляется наиболее очевидным. К 1990 г. члены “клуба семи” обладали 80,4% мировой компьютерной техники и обеспечивали 90,5% высокотехнологичного производства. На США и Канаду приходилось 42,8% всех производимых в мире затрат на исследовательские разработки, в то время как Латинская Америка и Африка вместе взятые обеспечивали менее 1% таковых. К 1993 г. ведущие государства Запада контролировали 87% всех зарегистрированных в мире патентов, а по такому показателю, как вложения в развитие наукоемких технологий, США в 36 раз превосходили Россию. На протяжении 90-х годов страны – члены ОЭСР тратили на научные исследования и разработки в среднем около 400 млрд долл. (в ценах 1995 г.), из которых на долю США приходилось 44%.

Эти тенденции выражены прежде всего в росте собственно технологического могущества постиндустриальных стран. Они проявляются также в их возрастающей

инвестиционной привлекательности, обеспечивающей приток иностранных капиталовложений. Отсюда и высокая оценка американских и европейских компаний инвесторами (например, рыночная капитализация компании Microsoft, достигшая в марте 1998 г. почти 300 млрд долл., фактически равна ВВП Индии и лишь незначительно уступает ВВП Австралии и Нидерландов). Повышается эффективность всех секторов экономики “семерки”, снижающая зависимость от внешнего мира (достаточно вспомнить, что экспорт сельскохозяйственных товаров из США с 1969 по 1994 г. вырос в 7,5 раз, а средняя урожайность зерновых в Нидерландах составляет 88 ц с гектара, тогда как в Ботсване – 3,5).

Второе. Исследователи процессов глобализации отмечают, что на протяжении XX столетия международная торговля по темпам роста уверенно опережала ВВП большинства индустриально развитых стран. Так, с 1870 по 1913 г. объемы экспорта европейских держав увеличились на 43% больше, чем их ВВП, а в 50-60-е годы XX в. – уже на 89%. Суммарный ВВП всех государств мира с 1950 по 1992 г. повысился с 3,8 до 18,9 трлн долл., а объем торговых оборотов – с 0,3 до 3,5 трлн долл.

Однако за этими цифрами из поля зрения нередко ускользает тот факт, что если в 1953 г. индустриально развитые страны направляли в страны того же уровня развития 38% общего объема своего экспорта, то в 1963 г. – уже 49, в 1973 г. – 54, в 1987 г. (после 15 кризисных лет) – 54,6, а в 1990 г. – 76%. В результате ко второй половине 90-х годов сложилась ситуация, когда только 5% торговых потоков, начинающихся или заканчивающихся на территории одного из 29 государств – членов ОЭСР, выходят вовне этой группировки. Более того, развитые постиндустриальные державы импортируют из развивающихся индустриальных государств товаров и услуг на сумму, не превышающую 1,2% своего суммарного ВВП.

Несмотря на то что США остаются мировым лидером по объему торговых оборотов, их экономика является одной из наименее зависимых от экспортно-импортных операций, а отношение экспорта к ВВП находится сегодня на уровне 5%. В Европе мы наблюдаем похожую картину с той только разницей, что товарные потоки между странами ЕС относятся к международной торговле, но это весьма условно, если учесть степень их экономической интеграции. Так, если в 1958 г. лишь 36% всего объема их торговли ограничивалось рамками союза, то в 1992 г. эта цифра выросла до 60, а с учетом экспорта-импорта с другими развитыми европейскими

государствами (Норвегией, Швецией, Швейцарией) доля таких “внутриевропейских” поставок составила около 74%. В тоже время удельный вес европейских товаров и услуг, направляемых за пределы ЕС, фактически совпадает с соответствующими показателями США и Японии. Таким образом, тенденции в международной торговле однозначно свидетельствуют о растущей замкнутости постиндустриального мира.

Третье направление связано с новым качеством инвестиционной активности в развитых странах. Рост инвестиционных потоков и их сосредоточение в границах постиндустриального мира сегодня заметны как никогда. Примером тому может служить распределение инвестиций США и в США по отдельным секторам и источникам. Если в 1970 г. в Европу направлялось около 1/3 всех американских инвестиций, то в настоящее время уже 50%, тогда как на долю Японии и новых индустриальных государств Азии приходится не более 8, а Мексики – менее 3%. Инвестиции в США с 1970 по 1990 г. возросли более чем в 30 раз. Причем они весьма характерно распределяются по странам-донорам. Так, в 1996 г. корпорации Великобритании, Японии, Канады, Франции, Германии, Швейцарии и Нидерландов обеспечили 85% всех инвестиций в американскую экономику [4].

Характерно, что компании, представляющие развитые экономики (США и Европы), инвестируют до 80% всех средств в отрасли высокотехнологичного производства, а также в банковский или страховой бизнес. Напротив, японские и азиатские инвесторы ведут себя иначе: они осуществляют не более 18% общих капитальных вложений в промышленное производство США, направляя 41% в торговлю и около 30% на приобретение компаний, специализирующихся в области финансов и недвижимости. В Европе доля японских инвестиций в промышленность не превосходит 16%. Как видим, предприниматели азиатских стран, не обеспечив самоподдерживающегося технологического развития национальных экономик, повторяют эти ошибки и за своими пределами, в результате чего концентрация инвестиций в высокотехнологичных секторах постиндустриального мира становится еще более ощутимой.

Четвертое направление прослеживается особенно очевидно с конца 70-х годов, когда формирование постиндустриального мира резко снизило активность вызванной экономическими факторами миграции внутри сообщества развитых государств (так, сегодня в странах ЕС при фактическом отсутствии ограничений на передвижение и работу лишь 2% граждан находят себе применение вне национальных границ) и в то

же время повысило темпы притока легальных и нелегальных иммигрантов из “третьего мира”. Если в 50-е годы в США 68% легальных иммигрантов прибывало из Европы или Канады и принадлежали они в основном к среднему классу, то в 80-е более 83% их числа были азиатского или латиноамериканского происхождения и, как правило, не обладали достаточным образованием. К концу 80-х странами, обеспечивающими наибольший поток переселенцев в США, были Мексика, Филиппины, Корея, Куба, Индия, Китай, Доминиканская Республика, Вьетнам, Ямайка и Гаити. Аналогичные тенденции прослеживаются и в Европе. В середине 90-х годов значительное число граждан стран ЕС проживало вне национальных границ лишь в Германии (1,7 млн человек) и Франции (1,3 млн). При этом общее количество иностранных рабочих, прибывших из-за пределов Сообщества, превысило 10 млн человек.

Эти процессы приводят к тяжелым последствиям для рынка труда США и Европы. Так, в США с 1980 по 1995 г. приток низкоквалифицированных иммигрантов на 20% уменьшил предложение на рынке труда для лиц, не имеющих законченного школьного образования, и снизил среднюю оплату их труда более чем на 15%. В ЕС количество иностранных рабочих фактически совпадает с числом безработных (там на протяжении последних 20 лет средние заработки легальных иммигрантов были на 30-45% ниже, чем у коренного населения на аналогичных видах работ). Естественно, напряженность, вызываемая миграционными процессами, усиливается. Согласно опросам общественного мнения, негативное отношение к иммигрантам разделяют 27,3% молодых французов, 39,6 – немцев и 41% бельгийцев.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ СОЗДАЮТ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ РФ

В долгосрочной перспективе вероятно сохранение высоких темпов роста мировой экономики на фоне поступательного развития глобализации при усилении ее

региональной составляющей. Среднегодовые темпы прироста мирового ВВП за 2007-2020 гг. составят 4,4% по сравнению с 4,2% в 2001-2006 гг. и 3,4% в 1991-2000 гг., отмечается в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ, подготовленной МЭРТ.

Основными характеристиками развития мировой экономики в ближайшие 10-15 лет могут стать: распространение современных технологий в развивающихся странах и превращение Китая и Индии в главные локомотивы мирового экономического роста; старение населения в развитых странах на фоне быстрого роста населения в развивающихся; ускорение развития инноваций, усиление их влияния на экономическое развитие; преодоление энергетических барьеров роста за счет повышения энергоэффективности и расширения использования альтернативных видов энергии; усиление ограничений роста, связанных с экологическими факторами, дефицитом пресной воды и изменением климата. Экономическая глобализация выступает как доминирующая сила по отношению к региональным интеграционным процессам.

Процесс глобализации будет характеризоваться: дальнейшей либерализацией внешнеэкономического обмена в мировом масштабе, включая сельскохозяйственную продукцию, продукцию высокотехнологичного сектора, финансовых и информационных услуг; более рациональным и свободным использованием всех видов ресурсов на основе многосторонних международных инициатив и действий транснациональных компаний (ТНК); ростом скорости миграции, в том числе из-за «утечки мозгов» из менее развитых стран и регионов в более развитые; повышением влияния международных институтов принятия решений на многосторонней основе. Тенденция усиления регионализации предполагает перестройку экономических отношений на основе региональных и страновых стратегий развития. Развитие мировой экономики характеризуется: усилением преференциальных режимов торговли и локальных (региональных, двусторонних) институтов решения стратегических задач экономического роста; возникновение новых мировых региональных финансовых центров – Китай, Индия, Бразилия, Россия; смещением движения капиталов в сторону прямых стратегических инвестиций; усилением национального и межрегионального контроля за транснациональным бизнесом. И тенденция к поступательному развитию глобализации, и тенденция усиления

регионализации могут характеризоваться высокими темпами роста мировой экономики. Вместе с тем существуют риски перехода мировой экономики на рубеже 2010-2015 годом к периоду развития с относительно низкими темпами роста (до 3-3,5%).

Торможение мировой динамики может быть вызвано: замедлением роста китайской экономики в результате повышения издержек внутренней перестройки; возмущениями на мировых финансовых и валютных рынках; ростом мировых цен на энергоносители и сырье; снижением темпов роста мировой торговли из-за возможной волны усиления протекционизма, направленной на устранение дисбалансов в межстрановой торговле.

Тенденции развития мировой экономики в долгосрочной перспективе создают и новые возможности, и новые риски для России. Так, существует возможности использовать имеющиеся стратегические ресурсы, прежде всего энергетический, транзитный, экологический и высокотехнологичный потенциал, для нового позиционирования в мировой экономике, обеспечивающего превращение России в одного из лидеров мирового экономического роста.

В то же время диверсификация каналов поставки газа и нефти на европейский рынок в обход России неизбежно окажет влияние на изменение ее позиций как одного из ведущих поставщиков энергоносителей. Есть и возможность использовать тенденцию к опережающему росту торговых потоков между Европой и Азией для переориентации их значительной части на российские транзитные маршруты. При благоприятных условиях можно будет начать формирование на евроазиатском экономическом пространстве зоны совместного развития с государствами СНГ и Азии, а также Евросоюзом, включая различные формы сотрудничества и интеграции. Более подробную информацию можно получить на официальном сайте МЭРТ. Прогнозирование развития России и оценка ее перспектив традиционно осуществляется «от достигнутого», на основе рассмотрения ее собственного внутреннего потенциала, с лишь эпизодическим и частичным учетом влияния мировой экономической, политической и информационной среды. Этот подход - не имеющий интеллектуального оправдания отголосок практики нерыночного планирования, исходившего из собственного (в классическом случае -

производственного) потенциала развития планируемого объекта, пренебрегая внешней средой его функционирования (спросом на его продукцию). Он во многом обесценивает получаемые результаты и делает их заведомо недостоверными в случае не только отдельного предприятия, но и отдельной страны. Игнорирование международной конкурентной среды превращает традиционное прогнозирование в исключительно опасный инструмент самоуспокоения. Недостаточное использование имеющихся ресурсов представляется при таком подходе вполне допустимым, так как оставляет «за рамками» рассмотрения последствия вызываемого этим ухудшения позиций во внешней конкуренции. Изложенное свидетельствует о насущной необходимости дополнения доминирующего ныне традиционного подхода, если можно так выразиться, «встречным» подходом, заключающимся в прогнозировании не внутренних возможностей самой страны, но внешней, мировой среды ее существования. Эта среда устанавливает развитию общества внешние, не зависящие от него требования и ограничения и создает тот «коридор возможностей», в которых оно будет действовать, которые оно сможет или не сможет реализовать. Такое дополнение традиционного прогнозирования, опирающегося лишь на внутренние возможности страны, кардинально изменяет саму модальность прогноза. Не обязательные к исполнению пожелания, связанные с реализацией внутренних возможностей, будут заменены на категорические императивы национального развития: внешние, объективные и не зависящие от состояния общества, без реализации которых оно не обеспечит себе приемлемого места в мировой конкуренции. Такой подход особенно важен для российского общества, сохраняющего, несмотря на чудовищную и всеобщую деградацию, значительный потенциал мобилизации, но демонстрирующего абсолютную неспособность к инерционному развитию в комфортных условиях устойчивого притока «нефтедолларов».

Конечно, подобная работа требует значительных усилий, высокой организации и времени, - не говоря уже о знаниях, во многом утраченных нашим обществом. Данная работа посвящена эскизной обрисовке лишь некоторых явных уже сегодня проблем, которые, как представляется, усилят свою значимость и к 2010, и особенно к 2020 году.

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Конец XX столетия совпал с кардинальными политическими изменениями на мировой арене, которые проявляются практически во всем. Это и новая волна демократизации конца 1980-х – начала 1990-х годов, и дезинтеграция, проходящая весьма болезненно через конфликты и кризисы, которые поразили даже относительно спокойную после второй мировой войны Европу (например, в Югославии, Молдове и других точках), а порой и «бархатная» (как в Чехословакии). Наряду с дезинтеграцией с очевидностью прослеживается дальнейшее развитие интеграционных процессов, прежде всего, в Западной Европе. Явно ощущается самостоятельная деятельность внутригосударственных регионов, которые все чаще заявляют о себе, причем не только при решении экономических, социальных проблем, но и политических. Это и активность одних международных организаций, в частности НАТО в Косовском конфликте, при очевидно недостаточном влиянии других, прежде всего ООН, при решении этой же проблемы. Это и новые аспекты и вызовы проблемы безопасности, в том числе, обострение вопросов, связанных с терроризмом. Причем, особую озабоченность данная проблема вызывает в связи с возможным доступом террористических организаций к оружию массового поражения. Это и финансовые кризисы 1997-1998 г., разразившиеся в Азии, Латинской Америке и, наконец, в России. Очевидно, перечисление событий, которые «потрясли мир» на стыке тысячелетий, без труда может быть продолжено.

При этом рушится то, что веками, казалось незыблемым, прежде всего, принцип государственного суверенитета. Государства вынуждены считаться, с одной стороны, с международными организациями и институтами, с другой – со своими же внутригосударственными регионами. Парадоксально, но если ранее внутригосударственные регионы стремились оказывать влияние лишь на внутривнутриполитические процессы, а международные организации – на те вопросы, которые ограничивались внешнеполитической сферой (что казалось бы логичным), то теперь это не так. Международные организации и институты все активнее вмешиваются во внутривнутриполитические вопросы, такие как урегулирование конфликтов, соблюдение прав человека, определение финансовой политики государств и т. п., а внутригосударственные регионы стремятся к внешнеполитической деятельности, порой наравне с центральными властями¹.

Чем же вызваны все эти изменения мира? Сегодня много ведется дискуссий о политических тенденциях мирового развития, в том числе, и российскими исследователями. Среди наиболее значимых тенденций, пожалуй, следует выделить две:

- глобализацию современного мира;
- увеличение количества и роли неправительственных и межправительственных акторов на мировой арене.

Обе тенденции взаимосвязаны и взаимообусловлены, но все же действуют относительно самостоятельно. Остальные тенденции во многом являются производными от этих двух. Так, демократизация как внутривнутриполитической жизни, так и международной сферы стала возможной, с одной стороны, в силу глобализации в области информационных технологий и средств связи (об этом, кстати, упоминает П.А. Цыганков³), с другой – в связи с увеличением роли неправительственных участников в процессе принятия и реализации политических решений.

Интеграционные процессы также, в первую очередь, обеспечиваются глобализацией. В этом отношении нагляден пример Западной Европы, где после второй мировой войны интеграционные процессы сначала, «сломав» внутригосударственные границы, охватили экономику, а потом и другие сферы.

Глобализация, наверное, наиболее обсуждаемая⁴, и в то же время, наименее изученная тенденция современного мира. Существуют разные подходы в определении того, что понимать под глобализацией, какие аспекты она охватывает, насколько глобализация является универсальной и всеохватывающей тенденцией мирового политического развития. Тем не менее, пожалуй, большинство авторов соглашаются в том, что современная глобализация связана с качественно новым этапом в развитии средств связи и информации. Как заметил политический комментатор «Нью Йорк Таймс» Т.Л. Фридман, если основной вопрос эпохи холодной войны заключался в количестве боеголовок, которыми располагала каждая сторона, то главное в постбиполярном мире стала быстрота действия компьютеров.

Как следствие принципиально иного информационного и технологического уровня развития мира межгосударственные границы становятся все более и более

прозрачными. Конечно, вопросы о том, насколько прозрачными являются границы, какие, в первую очередь, страны включены в этот процесс, какие последствия он имеет и т. п., остаются дискуссионными. Тем не менее, ряд исследователей, в частности П.Дж. Катзенштейн, Р.О. Кохэн и Ст.Д. Краснер, видят в процессе все большей транспарентности границ суть самой глобализации. Эту точку зрения разделяют и многие другие авторы.

Как следствие прозрачности межгосударственных границ, оказались «перевернутыми» прежние представления о безопасности⁷, о конфликтах и их урегулировании⁸, о соотношении внешней и внутренней политики⁹, о дипломатии¹⁰ и о других базовых проблемах политического развития стран, регионов и мира в целом.

Начавшись во второй половине XX века, прежде всего, в экономической сфере¹¹ и получившая там, пожалуй, наибольшее развитие, глобализация к концу столетия вышла за пределы экономики, став сегодня во многом политической доминантой мирового развития. Она в разной степени затронула те или иные регионы мира, поместив одни в центре, другие - вытеснив на периферию, и тем самым, дав начало новым, порой весьма жестким противоречиям. Вообще сам процесс глобализации оказался крайне неоднозначным, нелинейным, неравномерным, породил дисгармонию и новые вызовы цивилизации.

В то же время деятельность отличных от государств участников не была обусловлена только процессом глобализации. Межгосударственные организации (т. е. надгосударственные акторы) получили широкое развитие после окончания второй мировой войны. Сначала предполагалось, что они явятся своеобразными «проводниками» политики государств в той или иной сфере, например, в торговле (ГАТТ), или регионе (например, НАТО). В свою очередь, многие негосударственные акторы, прежде всего, связанные со средствами связи, информацией, экономикой, сами оказались заинтересованными в дальнейшем и скорейшем развитии процессов глобализации, в еще большей прозрачности границ. Это явилось толчком к новому витку глобализации с ее проблемами, противоречиями и размыванием государственного суверенитета.

В результате все с большей настойчивостью стали говорить о кризисе, эрозии, закате Вестфальской системы мира¹⁶, возникшей более 350 лет назад и ориентированной на государственно-центристскую модель. Государства в этой системе мира являлись не только основными, но и фактически единственными «единицами» взаимодействия на мировой арене. К концу XX столетия вследствие глобализации и активизации неправительственных акторов, государственно-центристская модель стала разрушаться.

Одновременно конец XX века привел к кризису Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Правда, в отношении эрозии Вестфальской системы мира мнения большинства исследователей, пожалуй, совпадают, а дискуссия в основном сводится к тому, насколько прозрачность границ и деятельность неправительственных акторов существенно меняют облик современного мира, а также является ли эта тенденция необратимой, и будет ли она развиваться в этом направлении и далее, или она будет приостановлена, поскольку совершенно непонятно, чем могут быть «заменены» национальные государства. В отношении Ялтинско-Потсдамской системы дела обстоят сложнее. Тем не менее, наложение обоих кризисов (Вестфальской модели, а также Ялтинско-Потсдамской) на современные реалии дает эффект их усиления, создает условия для развития системного кризиса, который имеет крайне широкое проявление. Иными словами, политический мир конца XX столетия оказался в особой фазе своего развития, которая описывается как «точка бифуркации»¹⁷, «переходный возраст», эпоха неопределенности, противоречивости, «переломности» и т. п. Это тот период, когда происходят качественные изменения сразу по нескольким существенным параметрам.

Период «переходности» крайне противоречив: эрозия суверенитета национальных границ сопровождается стремлениями к его сохранению, поскольку с точки зрения любого государства размывание национальных границ, утрата, пусть и частичная, национального суверенитета оказывается довольно болезненным явлением. Государства, хотя и по-разному, но практически всегда негативно реагируют на это, пытаются отвечать на новые вызовы, искать новые средства и методы для сохранения своих властных полномочий. Одной из таких реакций уже

стало проявление, так называемого «нового интервенционализма», когда государства участвуют в урегулировании конфликтов и при этом реализовывают собственные интересы.

Кроме того, следует иметь в виду, что многие государства были образованы только в XX столетии. Немало и национальных образований, которые только лишь стремятся получить статус государств («would be nations»)²⁰. Для них ущемление суверенитета реального или потенциального особенно чувствительно. Поэтому они всеми силами противятся ослаблению роли государства на мировой арене. В результате возможно возникновение крайне коррумпированных режимов и квази-государств²¹, которые, используя правовые гарантии, даваемые им суверенитетом, стремятся к поддержанию власти любым путем и создают тем самым очаги терроризма и нестабильности.

Изменение миропорядка (период переходности, перестройки) обостряет проблему национальных интересов, а также самоидентификации. В эпоху безраздельного господства Вестфальской модели мира национальные интересы фактически были тождественны государственным интересам и «подкреплялись тремя «гоббсовскими» мотивами: достижением и обеспечением безопасности государства, удовлетворением экономических требований политически значимых слоев населения, повышением престижа государства на международной арене». Идентификация также шла по принципу принадлежности к государству.

В современных условиях дела обстоят сложнее. При определении национальных интересов уже явно недостаточно ориентироваться на чисто государственные интересы, в «гоббсовском» понимании. Очевидно, что национальные интересы должны включать в себя и корпоративные интересы акторов, выходящих за рамки национальных границ.

Что касается идентичности, то период ломки государственно-центристской модели мира сопровождается потерей идентичности, появлением расколотов и мозаичной самоидентификации, что ведет к неуверенности, сомнениям, невротическим реакциям, бунтам, или уходу в мир фантазий и грез.

В других случаях идентификация идет по одному из оснований, например, этнической принадлежности, что нередко влечет за собой конфликты. Кстати, не случайно конфликты 1990-х годов получили название «конфликтов идентичности». В наиболее ярком виде подобный конфликт идентичности описан в гипотетическом сценарии С. Хантингтона столкновения цивилизаций.

Названные, а также ряд других тенденций и явлений показывают, что на рубеже веков отчетливо наблюдается противоречие, которое может быть названо «Вестфальским парадоксом». Этот парадокс имеет множество аспектов и «измерений», но все они связаны с тем, что процессы частичной утраты государственного суверенитета и стремления к его сохранению идут параллельно и крайне болезненно.

В условиях «переходности» в сложном положении оказываются и различные общественные дисциплины. Теоретическое осмысление происходящего явно не успевает за развитием реальных процессов. На этот факт обращают внимание многие авторы.

В связи с отходом от представлений, ориентированных на государственно-центристскую картину мира, которая и отражала Вестфальскую модель, многие исследователи международных отношений вообще «потеряли» предмет своего исследования. Их предметная область значительно сузилась и стала относиться лишь к части реальности, наиболее выпукло описываемой представителями неореалистического направления, а в теоретико-прикладном плане – такими авторами, как, например Зб. Бжезинский, который воспринимает современный мир подобно великой «шахматной доске». Впрочем, как отмечают Й. Фергюсон и Р. Мэнсбач, для авторов этого направления, особенно для тех, кто склонен делать акцент на силовом взаимодействии государств, вообще характерна растерянность, когда происходят значительные перемены. Так, они не поняли французскую революцию и взрыв национализма, который сопровождал ее; не увидели значения русской революции 1917 г.

В то же время, в области международных исследований, наряду с неореалистическими подходами, развивались и другие направления, связанные с

политической экономией³⁰, анализом международных институтов и режимов; исследованием соотношения и взаимовлияния внешней и внутренней политики, где наряду с государственными акторами стали рассматриваться негосударственные участники. В работах, выполненных в этих рамках, оказались отраженными многие из тенденций развития международных отношений и мира в целом.

Исследователи, которые включили в свой анализ изучение неправительственных акторов, стали работать в области, получившей название мировой политики, а те, кто по-прежнему в центре внимания сохранил проблемы взаимодействия государств, остались в сфере международных отношений.

Впрочем, такое деление довольно условно. Нередко понятия «мировая политика» и «международные отношения» используются как синонимы. Более того, сам факт активизации деятельности неправительственных организаций не снимает с повестки дня исследования межгосударственного взаимодействия. На этом настаивает и активный критик реалистического направления в международных отношениях Р. Кохэн, замечая, что «следует заняться вопросом: при каких условиях идеи реализма соответствуют действительности... Реализм может подготовить нас... к распознаванию возможного хода и причин событий, ставших достоянием истории...».

В связи с кризисами Вестфальской модели мира и Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений сложные времена переживает и международное право. Выполняя функции своего рода «стабилизационного» элемента, право должно учитывать направление дальнейшего развития, а именно это и составляет основную трудность в период «переходности». Не случайно, сегодня мы сталкиваемся с существенными противоречиями многих правовых норм и принципов – права нации на самоопределение, с одной стороны, и сохранения целостности государства – с другой; принципа невмешательства во внутренние дела – с одной, и оказания гуманитарной помощи и соблюдения прав человека – с другой; силового вмешательства в конфликт с целью его урегулирования (Устав ООН, глава VII) и проблемой характера этого вмешательства (наличие санкций ООН, возможности использования ВВС, ВМС, таких действий, как «вытеснение» вооруженных группировок, «превентивной самообороны», обеспечение доставки гуманитарных

грузов, «принуждение к миру» и т. п.). Одним из наиболее ярких проявлений этих и других противоречий стало силовое вмешательство в конфликте в Косово в 1999.

Говоря об общественных науках, которые так или иначе реагируют на изменения мира, наверное, надо отметить тот факт, что российская наука испытывает особые сложности. Государственно-центристская парадигма до сих пор явно доминирует и в российской политической науке, и в международных исследованиях. Не случайно, за последние годы в России издано немало научной и учебной литературы по геополитике (одному из направлений, в которых наиболее четко прослеживается ориентация на государственно-центристскую модель мира) и довольно мало исследований по международным режимам и институтам, деятельности неправительственных организаций на мировой арене и т. п. Причин такого положения несколько. Во-первых, следует, видимо, учитывать традиционную историческую ориентацию России на создание и развитие сильного централизованного государства, что не могло не отразиться на исследованиях. Во-вторых, к этому необходимо добавить и психологические причины – потерю статуса великой державы после окончания холодной войны, а также ослабление государственности за последние годы. Как реакция – попытка укрепить государственность, что находит отражение в том числе и в государственно-центристских подходах и концепциях.

В целом же, если говорить о теоретическом осмыслении происходящих изменений в политическом мире, то можно, наверное, согласиться с Р. Кохэном, который заметил, что «глобальность самой проблемы превосходит любые теории»³⁸. В этих условиях особенно сложными, если не невозможными, становятся политические прогнозы, поскольку принципиально меняется вся прежняя система. Поэтому упрек политологам и специалистам в области международных отношений, сделанный в свое время Дж. Гэддисом, относительно того, что исследователи не смогли предсказать ни распад Советского Союза, ни окончание холодной войны, ни иные принципиальные изменения мира, вряд ли является справедливым. И дело не только в том, что понимание международных отношений и прогноз их развития – по сути вещи не тождественные⁴⁰, но и в том, что в критической точке, точке «перелома», направление пути дальнейшего развития оказывается крайне

неопределенным – слишком много переменных влияют на процесс, и по этой причине он может развиваться в совершенно противоположных направлениях.

При исследовании конфликта также можно обнаружить, что «в кульминационной точке развития конфликтной ситуации... особую роль начинают играть преимущественно процедурные факторы»⁴⁴. Поэтому во многих теоретических работах по анализу кризисных ситуаций, т. е. переломных, переходных точках внимание, прежде всего, обращается на процесс принятия решений. Очевидно, что исследовательская проблема не ограничивается только анализом процедурных факторов. Важно понять их соотношение со структурными переменными. Кстати, изучение роли субъективных (процедурных) факторов, а также анализ тех ограничений, которые накладывают структурные факторы, называет в качестве одного из новых перспективных направлений исследований по международным отношениям Р. Кохэн.

Третье. Немало дискуссий ведется относительно того, каковы, пусть и в самом общем виде, основные черты складывающегося мирового порядка, который придет на смену периоду «переходности». Проблема нового миропорядка стала одной из центральных в исследованиях международных отношений после распада биполярной системы мира. Наиболее интенсивно обсуждается вопрос о том, какая система предпочтительнее: монополярная, многополярная, или какая-либо иная⁴⁷. Несмотря на то, что работ в этой области опубликовано много, практически все они вне поля зрения оставляют два важнейших момента.

Во-первых, само понятие «предпочтительности» той или иной системы миропорядка является достаточно неопределенным (предпочтительность для кого?). Иногда, правда, речь идет о стабильности, но и в этом случае неопределенность остается, поскольку возникает множество вопросов, в частности, таких как: может ли идти речь о стабильности вообще или предполагается какой-либо период стабильного существования (биполярная система просуществовала около полувека)?, существует ли угроза резкого нарушения стабильности, как это было в эпоху холодной войны? и т. п. Во-вторых, и это, главное, все обсуждаемые, как и ранее существовавшие в истории системы международных отношений (в том числе, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская), исходили из государственно-

центристской, т. е. Вестфальской модели мира, которая и задавала основные параметры международного общения, ориентированной практически только на межгосударственный характер международных отношений.

В условиях эрозии этой модели, просуществовавшей более 350 лет, вообще становится сложно говорить о миропорядке в том виде, в каком это было ранее, т. е. в терминах лишь межгосударственного взаимодействия. Иными словами, и монополярная, и многополярная, и какая-либо иная конфигурация государств (например, «семерка» в виде мирового лидера⁴⁸) уже далеко не в полной мере отвечает реалиям. Хотя в ближайшей перспективе, безусловно, межгосударственные образования будут крайне значимым фактором мирового развития.

Тем не менее, в исследованиях многих авторов формирующийся мир предстает как многоуровневая, сложноорганизованная сеть, в которую наряду с государствами включены неправительственные акторы, межправительственные международные организации и институты, внутригосударственные регионы. Это, прежде всего, те работы, в которых речь идет о «паутине всемирной политической сети», связывающей между собой государственных и негосударственных акторов⁴⁹, паутине взаимодействия⁵⁰, многообразии «авторитетов» в мировой политике⁵¹ и т. п. При этом подчеркивается, что «внутригосударственные и международные институты взаимодействуют, укрепляя друг друга. Демократическая внутренняя политика и расширение международного сообщества прочно связываются с увеличением количества международных институтов; международное сообщество и институты создают пространство для реализации «внутреннего выбора».

Для дальнейшего развития представлений о сетевой архитектонике будущего мира эвристичным может оказаться исследование В.М. Сергеева, посвященное проблемам демократии. Несмотря на то, что автор рассматривает проблему демократии как процесс «управления сложной социальной системой»⁵³ на внутригосударственном уровне, интересен сам подход. В.М. Сергеев различает два типа организации и управления обществом: иерархический и демократический. Если первый тип предполагает соподчинение, то второй – постоянные согласования через переговорный процесс.

Конечно, рассмотрение социальной организации в терминах «иерархии» (довольно жесткого соподчинения) и «демократии» («сети») является довольно условным. Кроме того, в реальных условиях, пожалуй, вряд ли в чистом виде можно встретить оба эти типа. Скорее следует говорить о доминировании в том или ином обществе иерархической или, напротив – демократической организации.

Применительно к политической модели мира (мироустройству) иерархический тип организации может иметь и, кстати имел, в истории разные формы. Так, монополярная модель во главе с тем или иным государством-лидером, или бурно дискутировавшаяся в свое время идея мирового правительства, модель мир-системы И. Валлерстайна – примеры преимущественно иерархических организаций. То же самое можно сказать и о биполярном мире периода холодной войны. Представления о многополюсном мире (по крайней мере, большинство из них), хотя и не в столь явном виде, но также исходят из идеи иерархической организации, когда те государства, которые не становятся «полюсами», оказываются в «подчиненном» положении по отношению к лидерам.

«Сетевой» тип также проявляется в ряде форм мироустройства. Например, концепции мирового хаоса или анархии по своей сути – сетевые модели. В свою очередь, «демократическая» организация мирового сообщества представляет собой определенный тип сети – разноуровневую, крайне сложную с одновременной специализацией и интеграцией регионов, корпораций, центров и т.п., с далеко непростыми правилами и процедурами согласования интересов, где главенствующую роль играют переговоры.

Важно, что демократически организованная «сеть» представляет собой множество пересекающихся коалиций, когда один и тот же участник входит в несколько равноправных и равнозначимых корпораций (национальную, профессиональную, конфессиональную и т.п.). Соответственно, самоидентификация проводится сразу по многим основаниям, не вызывая обеспокоенности, неразрешимых противоречий и т. п.

В этом смысле демократизация мира, о которой часто говорится как об одной из тенденций мирового развития, проявляется не только в увеличении количества демократических государств⁵⁶ (а с учетом эрозии Вестфальской модели мира может быть даже и не столько именно в этом), но, прежде всего, в изменении самого типа мирового устройства – от преимущественно иерархического (соподчиненного) к преимущественно «демократическому» по типу гражданского общества.

В принципе процесс формирования нового мира – «посткризисного», «постурбулентного», «постпереходного» и т. п. может идти двумя путями. Один путь – хаотичный, плохо управляемый, с «перетягиванием каната» между различными акторами. Этот путь ведет к реализации прогнозов тех исследователей, которые полагают, что в лучшем случае «новый век, ... возможно, будет больше похож на пестрое и беспокойное средневековье, чем на статичный двадцатый век...» (с. 324), в худшем – нам грозит вселенская катастрофа, своего рода Армагеддон.

Второй путь – путь кризисного управления и «выстраивания» новых структур, формирования нового мироустройства в условиях размывания Вестфальской модели мира и Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Конечно, оба пути вряд ли будут реализованы в своем крайнем, «абсолютном» варианте. Вопрос заключается в том, насколько удастся приблизить реальную политическую практику к тому, чтобы она пошла по пути, близкому ко второму.

Какова же роль государств в этом процессе «перехода», выстраивании нового миропорядка? Существуют различные точки зрения. Так, Дж. Розенау склонен полагать, что государства все более теряют объем своих властных полномочий и выполняют свою лидирующую роль на мировой арене в значительной мере по инерции. Как макротенденция, видимо, это действительно так. Однако следует признать и другое. Государства на сегодняшний день, будучи ведущими акторами, могут оказывать все же наиболее сильное воздействие на мир. Конечно, они не намерены «делиться» своими властными полномочиями и сами выстраивать новый миропорядок, где государства оказываются одними из участников «сети». Все это и выражается в «Вестфальском парадоксе», о котором упоминалось выше. Тем не менее, существует и обратная сторона. Слишком жесткое сопротивление вновь формирующемуся миропорядку ведет к хаосу. И в этом смысле у государств сегодня

есть возможности, используя метафору из области ядерной физики, не допустить «неуправляемого полного распада» ни Вестфальской модели мира, ни Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, создания своего рода «политического Чернобыля».

Разумеется, не следует возводить в абсолют роль и возможности государств. Активно процесс воздействия на будущий облик мира, видимо, будет идти и со стороны неправительственных акторов, в том числе бизнеса, располагающего значительными финансовыми средствами для этого. Правда, здесь есть опасность, на которую в последнее время все больше обращают внимание. Речь идет о возможности наркобизнеса и других нелегальных видах бизнеса использовать официальные, в том числе и государственные, дипломатические каналы, для построения иного мироустройства, с законами и правилами поведения по принципу «диких джунглей». Тем актуальнее стоит задача поиска форм и путей взаимодействия правительственных межправительственных и неправительственных акторов, своего рода «полисторонней» дипломатии, которая включает в себя традиционные дипломатические функции – «коммуникацию, переговоры, представительство, – но не предполагает признание суверенитета всех участников»⁶¹ в целях создания своего рода «мирового гражданского общества», мало похожего на «дикие джунгли» или на «пестрое средневековье».

РАЗВИТИЯ ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОНЦА XX-НАЧАЛА XXI ВВ

В современном мире глобальность выступает одним из важнейших параметров существования человеческого общества. Отражая процессы взаимообусловленности и взаимозависимости различных компонентов мирового сообщества, глобальность выражает идеи целостности всего человечества как социобиологического образования. Социально-политические явления последнего десятилетия стимулировали необходимость выработки и обоснования глобальной парадигмы общественного развития, основанной на понимании целостности мирового социально-экономического и культурно-образовательного пространства.

Проявлением данной мировоззренческой установки явилась активизация "цивилизационного видения мира".

В условиях глобализации мировых процессов и культурной конвергенции, образовательная система рассматривается, с одной стороны, как эффективный механизм этнокультурной идентификации личности, с другой - как средство гармонизации межэтнических отношений.¹ Мы разделяем позицию Раджа Рой Сингха, который отмечал, что "глобализирующее движение, как становится очевидно уже сейчас, приведет к обновлению и возрождению различных языков и культур. Многообразие, а не однородность будет стержнем динамичной глобальной системы, и именно это явится одним из самых трудных испытаний человечества перед будущим. Там, где образование выступает фактором развития, образование играет ключевую роль".

Процессы модернизации различных сфер общественной жизни современной России конца XX-начала XXI вв. обусловлены как внутренними процессами социально-экономического характера, так и глобальными тенденциями, связанными с переходом к информационно-техногенной фазе развития человеческой цивилизации. Вместе с тем следует отметить противоречивый характер данных процессов, который обусловлен факторами политического и идеологического характера. Как указывает В.Д. Шадриков, противоречия между этнокультурными процессами в современной России и интеграционными процессами в культуре "усиливаются за счет так называемого парадокса этничности, столь характерного для всего современного мира, - когда по мере углубления интернационализации культуры возрастает уровень национального самосознания".

Образовательная ситуация постсоветской России явилась следствием как социально-политической дифференциации в рамках единого союзного пространства, так и нарастающего процесса глобализации общественной жизни в мировом масштабе. Вызванный переходом к цивилизации техногенно-информационного типа, процесс глобализации отразился на всех сферах жизнедеятельности, в том числе на динамике развития образовательной системы. Вместе с тем следует отметить, что идея глобализма по своей внутренней природе свойственна российской философско-педагогической мысли. В литературно-исторических памятниках Древней Руси XI-XIII вв. образ "идеального" человека представляет собой взаимодополнение

национальных и общечеловеческих черт. В XV-XVI вв. в философско-педагогических трудах Е. Премудрого, М. Грека, И. Федорова на первый план выдвигаются актуальные для всех времен идеи человеколюбия, проявляется стремление связать воедино гуманистические традиции Запада с отечественным культурно-педагогическим наследием. Растущие социально-экономические потребности меняющегося мира на рубеже XIX-XX вв. учитывали тенденцию сближения народов, культур, цивилизаций. Плеяда прогрессивных ученых-педагогов (В. Бехтеров, В. Вахтеров, К. Вентцель, П. Каптерев, П. Лесгафт, Н. Кареев, П. Кропоткин и др.) обратилась к анализу образовательной парадигмы России и выработке дальнейших путей ее развития.

На современном этапе происходит упрочение социально-культурной идентичности России в рамках глобалистических мировых тенденций, которая выражается, главным образом, в том, что российская цивилизация по своему характеру образования экуменическая. В столкновении экуменической культуры и культуры техногенно-информационного типа видится основная причина современного состояния российской цивилизации.

Интеграция Российской Федерации в современное мировое сообщество затруднено, главным образом, той "геоэтнорегиональной фрагментацией", порой граничащей с "дискретностью", которая стала определять политико-социальный уклад современной России⁴. Проявляющаяся тенденция роста этничности, которая первоначально не нашла теоретического объяснения, получила название "этнического парадокса современности". Именно активизация процессов интеграции и глобализации в современном мире являются причиной роста этнического фактора российского социума. Как следует из информационной концепции этноса С. Арутюнова и Н. Чебоксарова, в условиях возрастания количества и разнообразия информации значительно затрудняется социальная адаптация индивида к проявлениям современной цивилизации. Именно проявление "информационной ограниченности человека" является причиной поиска более малочисленного и исторически устоявшегося круга общения, близкого и понятного для человека, каковым является этнос. _Стало понятным, что в сложившейся ситуации проявляется парадигмальный кризис российского образования, обусловленный необходимостью формирования новых образовательных ориентиров, учитывающих многообразие

культурно-образовательных систем современной России, их направленность, факторы и механизмы развития, а также исторические перспективы человечества. В.Е. Шукшуновым, В.Ф. Взятыхевым, Л.И. Романковой разработана концепция прогнозирования развития образования, основанная на анализе существующих образовательных парадигм.

Представляется, что авторы не учитывают многих значимых факторов современной жизни, возлагая на новую образовательную парадигму способность содействовать "изменению мира". Основная цель и назначение новой образовательной парадигмы нам видится в ее способности ликвидировать разрушительное влияние научно-технической революции, повернуться к проблемам Человека, реализовать на практике принцип гуманизации, разрешить противоречия между общественными требованиями и возможностями современной образовательной системы. Как известно, Гегель определял образование как восхождение от абстрактного к конкретному, однако данное понятие в основе своей выражает диалектическую взаимосвязь общенационального и личностного, глобального и регионального, поликультурного и этнического.

В условиях мировой интеграции и стремительного развития глобальных информационных технологий, неизбежно формируется универсальная коммуникативная среда, которая неизбежно стирает границы между континентами, государствами, народами. Основная задача образования связана с развитием адаптационных качеств личности в условиях глобализации общественной жизни, многообразия информационных потоков, интеграции науки и культуры.

Государственная политика в области образования должна реализовываться в интересах формирования гармонично развитой, социально активной, творческой личности и в качестве одного из факторов экономического и социального прогресса общества на основе провозглашенного Российской Федерацией приоритета образования.

Особенностью современного социально-экономического реформирования в Российской Федерации является эмпиричность, запаздывание в теоретическом осмыслении происходящих процессов, а также отсутствие ориентиров, направляющих и корректирующих процессы реформ. Это относится также к

образовательной сфере, переживающей кардинальные изменения в процессуальной и содержательных областях, которые связаны с современными общественными процессами децентрализации и гуманизации. Данные процессы привели к всесторонней и многоуровневой регионализации в развитии основных сфер общественной жизни: политике, экономике, культуре, образовании. Видоизменилась и приобрела национально-региональный оттенок социализирующая функция образования, призванная поддерживать процесс воспроизводства социального опыта, добиваться оптимальной адаптации к современным общественно-цивилизационным и культурным реалиям, закреплять в сознании нового поколения ценностные ориентиры жизни.

Так как процессы регионализации затрагивают прежде всего социально-культурные институты, в первую очередь образовательные, возникает необходимость в переосмыслении роли, положения и перспектив дальнейшего развития образования в условиях "глобальной регионализации" общественной жизни всей страны.

Федеративность Российского государства предполагает ориентацию социальных институтов на региональные социально-экономические, культурно-образовательные, этно-исторические, эколого-деятельностные и другие особенности конкретного региона. Все субъекты современной России видят в развитии национально-региональных систем образования путь закрепления своих исторических перспектив. Как указывает В.К. Шаповалов, политико-рефлексивные установки региона и центра сходятся на том, что в новых условиях образование должно в своей структуре, содержательном, типологическом и управленческом аспектах отражать фактор региональности.

Современный процесс государственной децентрализации и регионализации обуславливает необходимость поиска в образовательной сфере, представляющей собой определяющую грань культуры общества, стратегии реформирования и конкретных направлений выхода из создавшегося кризиса. В связи с тем, что изменилась образовательная парадигма, необходимо развивать инновационное образование, суть которого заключается "в новой педагогике, в новых образовательных процессах, новых технологиях. Необходимо такое преобразование системы образования, которое наилучшим образом способствовало бы обновлению России".

Принципы современной региональной политики России "постсоветского периода" включают следующие составляющие: усиление комплексности развития всех сфер в республиках и областях, расширение использования прогрессивных форм организации производства, регулирование демографической обстановки и потоков трудовых ресурсов; регулирование отраслевой специализации регионов в соответствии с научно-технической и инвестиционной политики страны, а также программами экономических реформ России; защиту глобальных экономических и геополитических интересов Российской Федерации в "архитектуре" современной Европы.

Разрабатываются и реализуются на практике механизмы осуществления региональной политики, что подтверждает системный характер подходов Федерального центра к решению общих политических проблем регионализации, в контексте которых и возможна регионализация образования. Однако важно заметить, что социокультурный аспект в общих принципах стратегии реорганизации различных общественных сфер остается либо на втором плане, либо сведен к "национальному" и "этнонациональному".

Принципы современной образовательной политики России должны включать следующие составляющие: создание условий для развития региональных образовательных систем с учетом их включенности в российское и мировое образовательное пространство; отражение в содержании образования федеральных и национально-региональных интересов; регулирование региональной образовательной политики в рамках сохранения единого образовательного пространства Российской Федерации; разработка принципов обновления содержания высшего профессионального образования с учетом тенденций развития современного высшего образования - гуманизации, гуманитаризации, вариативности, интегративности и т.д.

В Законе РФ "Об образовании" (1992 г.) делается акцент на то, что реформирование образовательной системы в Российской Федерации способно привести к существенным успехам в том случае, если будет всемерно учитывать специфические особенности развития современных национально-региональных образовательных систем. Современная образовательная парадигма заключается в том, что обеспечение необходимого уровня образования и воспитания

подрастающего поколения, формирования общей культуры и удовлетворения личностных познавательных интересов личности происходит путем приобщения к национальным, российским и мировым ценностям культуры и цивилизации. Подобный подход определил инвариант современной образовательной системы, указал направления ее реализации на региональном уровне.

Первое философское обоснование развития образовательных систем принадлежит Платону, выделившему основополагающие компоненты образовательных отношений: культура (мир идей и вечных образов), общество (полис, государство), индивид (личность). Каждый этап культурно-цивилизационного развития характеризуется собственными аксиологическими ориентирами и принципами организации внутри данной триады. Цивилизация постиндустриального типа обозначила приоритет ценностей утилитарно-прагматического, рационалистического характера, ориентация на которые уже привела к глобальным антропологическим и экологическим катастрофам. Современной философско-педагогической идеей становится отказ от парадигмы рационализма и "знаниецентризма", провозглашенной в XVII в. Я.Коменским к "парадигме культуросообразности образования". Связанная с ней философия образования приобретает глобально-исторический, социокультурный характер и призвана обеспечить воспроизводство культурного многообразия, выступить источником саморазвития общества. При этом гуманно-ценностная характеристика образования предполагает рассмотрения трех взаимосвязанных аксиологических блоков: образование как ценность государственная; образование как ценность общественная; образование как ценность личностная. Содержание аксиологических блоков приобретает конкретизацию при построении социокультурной типологизации образовательных систем, изучения проблемы взаимовлияния социообразовательных макротенденций и социально-этнологических региональных процессов на образовательную политику в субъектах Федерации, что оказывается принципиальным моментом для определения стратегии и направлений реформирования отечественного образования.

Современная образовательная практика обозначила необходимость разработки концептуально-теоретических подходов к изучению проблем развития национально-региональных образовательных систем в качестве приоритетной задачи российской

педагогической науки, в которой до сих пор не разработаны принципы реализации национально-региональных аспектов в образовательной и воспитательной практике, не определены направления изучения данной проблемы. К одной из первых попыток подобного характера следует отнести работу В.И. Загвязинского "Проектирование региональных образовательных систем", в которой впервые прогнозируются пути эволюции российского образования в продолжающийся период "глубокого и перманентного кризиса" . Как указывает автор, "сегодня высвечивается важная миссия российского образования - способствовать социальной стабильности и прогрессу, восстановлению и развитию культурного и кадрового потенциала страны посредством гармонизации отношений в макро-, мезо- и микро-социуме. Прежде всего это касается кардинальных, основополагающих отношений в таких системах, как человек - природа, человек- общество, общество - природа, человек - человек".

Проблемам функционирования национально-региональных образовательных систем современной России посвящены исследования В.И. Беспалова, Е.В. Бондаревской, Е.В. Данильчук, Г.С. Денисова, Л.В. Левчук, М.Р. Радовель, Л.Л. Супруновой и др. Как показывает анализ исследований данной проблемы, каждый автор идет по пути создания определенной научно-педагогической концепции, в рамках которой определяет стратегию развития образовательных систем, предлагает механизм их функционирования в инновационном режиме с учетом основополагающих тенденций. Следует отметить, что несмотря на значительные отличия в выборе подходов, большинство исследователей склоняется к тому, что любая национально-региональная образовательная система должна являться составной частью единого образовательного пространства Российской Федерации.

Основные цели и задачи образования в современной России видятся в обеспечении исторической преемственности поколений, сохранении, распространении и развитии национальной культуры; воспитании патриотов, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности и обладающих высокой нравственностью; формировании у детей и молодежи целостного миропонимания и современного научного мировоззрения, развитии культуры межэтнических отношений.

Считаем, что всем субъектам Федерации предстоит определить целый круг вопросов в области образовательной политики, среди которых могут быть выделены следующие:

- развитие этнорегиональных образовательных систем с учетом основополагающих принципов "Национальной доктрины образования Российской Федерации на период до 2025 года";

- отражение в содержании образования федерального и национально-регионального компонента. Региональная образовательная политика в рамках сохранения единого образовательного пространства;

- проблемы и перспективы развития национальной школы в Российской Федерации;

- направления и механизмы поликультурного и полиобразовательного взаимодействия в XXI в.;

- технологии интеграции в европейское и мировое образовательное сообщество;

- пути обновления содержания образования в современной высшей и средней школе.

При этом каждая этнорегиональная образовательная система страны получила новый вектор развития, который определит ее место в российском и мировом образовательных сообществах в первой четверти XXI в. Принятие "Национальной доктрины образования" явилось первым шагом на пути сохранения культурно-образовательной целостности России.

Не менее важным для определения стратегии развития образования на ближайшую перспективу является Федеральный Закон "Об утверждении Федеральной программы развития образования" . Программа призвана явиться организационной основой государственной образовательной политики России и определяет стратегию приоритетного развития системы образования и меры ее реализации. Как указывается во введении, основные цели и задачи Программы

развиваются соответствующими региональными программами, которые учитывают национально-культурные, социально-экономические, экологические, демографические и другие особенности конкретного региона. Основной проблемой развития образования выступает: достижение современного уровня содержания общего образования, гуманизация, ориентация на развитие личности, формирование системы жизненных ценностей, социальных норм и других элементов культуры. Вместе с тем, в качестве основной проблемы отмечается растущая угроза нарушения единства образовательного пространства в части обучения русскому языку как государственному и увеличивающееся разночтение федеральных и национально-региональных компонентов стандартов гуманитарных дисциплин.

Реализация федеральных законодательных актов связывается, главным образом, с обновлением содержания образования и введением образовательных стандартов. Определенные трудности в решении данного вопроса продиктованы тем, что субъекты Российской Федерации реализуют национально-региональный компонент содержания образования в произвольных формах, что затрудняет приведение планов и программ по данным курсам к единому стандарту и выявление эффективности самого образовательного процесса.

Современные требования к введению национально-регионального компонента содержания образования связаны с необходимостью решить сложнейшую диалектически противоречивую проблему приобщения человека к общецивилизационным знаниям и ценностям одновременно с обеспечением его национальной самоидентификации. При этом основной целью реализации национально-регионального компонента в школьной образовательной практике выступает воспитание и обучение человека основам национальной культуры, родному языку, с одновременным включением его в систему мировых общекультурных и нравственных ценностей. Однако продолжается дискуссия о том, какими методами и средствами данная цель будет достигнута, какие требования следует предъявить к тому образовательному процессу, в ходе которого должна формироваться образовательная и воспитательная траектория, учитывающая, наряду с общими требованиями, индивидуальные способности и особенности.

В российской и мировой практике введение национально-регионального компонента направлено на решение противоречия современного образования между

необходимостью научить молодое поколение жить в мире высоких технологий и острых социальных проблем и невозможностью "втиснуть" все необходимое в рамки учебного процесса.

Современная школа Российской Федерации, особенно национальных республик, ставит задачу разработки и реализации на практике национально-регионального компонента образования, в котором отражаются особенности культуры данного региона, традиции, обычаи, язык народа. Разработка национально-регионального компонента выступает первостепенной задачей реформирования современного среднего образования.

Национально-региональный компонент содержания образования направлен, главным образом, на достижение каждым представителем молодого поколения этнической идентичности, под которой понимается "совокупность чувств членов группы, касающихся тех символов, ценностей и общей истории, которые и определяют их как отдельную группу"

Вместе с тем, в настоящее время наблюдается значительная сепарация в рамках реализации национально-регионального компонента содержания образования на республиканских и муниципальных уровнях, которая характеризуется сосредоточением внимания исключительно на социально-культурных ценностях своей этнической группы вне взаимодействия с другими этнокультурными образованиями.

СОЦИАЛЬНО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Процессы децентрализации и регионализации отечественной школы в 90-е гг. XX в. актуализировали задачу сравнительных исследований развития образования в регионах и субъектах Российской Федерации. Значительный интерес исследователей-компартивистов представляет Северо-Кавказский регион, который характеризуется полиэтничным и многоязычным составом населения, многообразием культур, различием социально-экономического уровня входящих в него республик. На состоявшихся в июне 1999 г. Парламентских слушаниях по вопросу: "Проблемы законодательного регулирования процесса сохранения единого образовательного пространства России на примере Северо-Кавказского региона" отмечали, что стабилизация обстановки в Северо-Кавказском регионе имеют принципиальное геополитическое значение для России.

Система образования в республиках Северного Кавказа в конце 90-х гг. XX в. претерпевает значительные изменения: обновляются звенья системы образования, формы и методы учебно-воспитательного воздействия, средства и технологии обучения. В настоящее время система образования всего Северо-Кавказского региона стала одной из важнейших элементов национальной инфраструктуры. Значительно интенсифицировались процессы гуманитаризации, - вариативности в построении содержания общего образования, которые оказались наиболее неразработанными именно в методологическом плане, потребовали научного осмысления и теоретического обоснования как со стороны ученых, так и педагогов-практиков. Данные проблемы рассматривались в работах Г.Б. Корнетова, А.П. Лиферова, В.С. Собки-на, Л.Л. Супруновой, П.И. Пидкасистого, П.С. Писарского, Х.Г. Тхагап-соева, В.К. Шаповалова, Е.Н. Шиянова и других ученых. Однако понимание важности и необходимости учета тенденции к регионализации современного образования требует не столько обратиться к простому описанию специфики социокультурных образовательных ситуаций, сколько выявить особые типы социокультурных образовательных систем, сложившихся в Российской Федерации.

Принцип регионализации в настоящее время выступает доминирующим фактором развития образовательных систем, реализация которого обозначает новый этап становления вариативного образования на территории современной России. Данный принцип позволяет этнорегиональным образовательным системам выступать субъектами стратегий развития в соответствии с присущими региону

геоэкономическими и социокультурными особенностями. Как указывают Е.А. Соболева и В.И. Спирина, методологическим основанием реализации принципа регионализации служит "холистический подход, позволяющий установить органическую либо функциональную связь между целым и составляющими его частями, выявить противоречивые тенденции регионализации и интеграции образования, его развития и саморазвития, вариативности и целостности образовательного пространства. Регион выступает устойчивым социально-географическим понятием, которое приобретает более конкретный смысл в современном российском образовательном пространстве. Вместе с тем, возникает вопрос, касающийся того, насколько правомерно национально-региональный компонент содержания образования сводить до нужд определенной республики и конкретно взятого народа в сфере воспроизводства социокультурных ценностей.

Образовательная ситуация на Северном Кавказе характеризуется высокой степенью неопределенности в выборе дальнейшего направления развития этнорегиональных образовательных систем, авантный вектор эволюции которых связывается с задачами закрепления национальных прав на политическую независимость, суверенизацию, этнокультурную ориентацию. Задачи организации образования решаются в большинстве случаев с позиций национально-культурной автономии и приоритетности интересов титульных наций. Подобная ситуация усугубляется тем, что введенный в 1992г. Законом РФ "Об образовании" национально-региональный компонент содержания общего образования не только по-разному трактуется в различных субъектах федерации, но и в большинстве случаев не обеспечен тем необходимым учебно-методическим минимумом, который крайне необходим для полноценной организации учебно-воспитательного процесса в различных образовательных учреждениях.

Основное противоречие в развитии этнорегиональных образовательных систем современной России мы видим в несоответствии этнорегиональных и поликультурных факторов построения содержания образования. С одной стороны развитие образовательной системы призвано сохранить национальную идентичность, с другой - создать условия для "вливания" в мировое культурно-образовательное пространство.

В 2000-2001 учебном году было проведено анкетирование по выявлению отношения учителей школ Республики Северная Осетия-Алания к различным аспектам реализации национально-регионального компонента содержания общего образования (НРК). Около 71% учителей высказали опасение, что НРК может помешать "включению" ученика в российскую и мировую культуру. При этом 58,9% учителей отмечают, что НРК не способствует формированию научного мировоззрения. Вместе с тем, наиболее опасной тенденцией реализации НРК значительным большинством респондентов (81%) отмечается воспитание любви к "малой родине", а то время как формированию уважения к ценностям других народов и культур не уделяется внимания. Таким образом, очевидна опасная тенденция, связанная с "замыканием" воспитуемых в рамках определенных этнокультурных ценностей, независимо от того - "врожденными" или "приобретенными" они являются.

Образовательная ситуация в сфере реализации НРК усугубляется недостаточной подготовкой учителей, на что указали около 38% респондентов, а также низким уровнем научно-методического обеспечения (21%).

Мы полагаем, что процессы регионализации образования в северокавказских республиках должны учитывать национально-культурные, социально-экономические, экологические, культурные, демографические и другие особенности всего региона. Необходимо, чтобы каждая этнорегиональная образовательная система была открыта для "проникновения" идей многокультурности, толерантности, приоритета добрососедских отношений. Именно формирование единого поликультурно-образовательного пространства Северного Кавказа должно явиться основной целью реализации национально-регионального компонента в процессе обучения и воспитания. Образовательное пространство Северного Кавказа необходимо формировать на основе взаимопроникновения этнокультурных ценностей, выработанных всеми народами за многовековую историю своего развития.

Для создания единого культурно-образовательного пространства Северного Кавказа необходимо: Создать единую концепцию построения содержания образования на основе реализации НРК, в рамках которой разработать и внедрить в республиканские образовательные программы комплекс различных учебных курсов, связанных с изучением истории и культуры северокавказских народов ("История народов Северного Кавказа", Социально-культурные процессы в республиках

Северного Кавказа", "Культура и традиции северокавказских народов", "История просветительской мысли горских народов", "Религиозные верования народов Северного Кавказа и др.);

На межреспубликанском уровне поставить вопрос о создании учебников и учебных пособий, разработать гибкие и вариативные механизмы подготовки педагогических кадров к реализации НРК в системе общего образования с учетом глобалистических тенденций в культурно-образовательной сфере России. "Глобальная регионализация" общественной жизни обусловила необходимость переосмысления роли, положения и перспектив дальнейшего развития российского образования. В основу анализа нами заложены следующие положения:

а) "генетическая матрица" современного российского общества может быть сохранена лишь на основе реализации в образовательной практике фактора поликультурности, являющегося составной частью философско-педагогической теории гуманитаризации образования.

Только в условиях поликультурной образовательной парадигмы станет возможным обеспечить единство и преемственность отечественных и мировых культурных традиций, обосновать приоритет человеческих измерений и ориентаций;

б) концепция гуманитаризации образования позволяет осуществить период от современного процесса регионализации в российской образовательной практике к реализации идей "глобального образования".

Так как для образовательной ситуации современной России характерно усиление этнизации содержания образования, возрастание роли национальной культуры в процессе социализации и интериоризации личности, именно этнокультурный фактор должен выступить основой для поликультурного образования. Ведущий принцип реализации национального в поликультурном образовании - социо-культурный контекст развития личности - предполагает максимальный учет конкретных национальных реалий и определение их места и значимости в интернациональном мире. На основе данной целевой установки определяется образовательная стратегия, направленная на формирование личности, способной к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде,

обладающей развитым чувством понимания и уважения различных национальных культур. Данная образовательная стратегия определяет следующие образовательные задачи: глубокое и всестороннее овладение основами национальной культуры, что является непременным условием интеграции в другие культуры; формирование представлений о многообразии национальных культур, воспитание позитивного отношения к культурным различиям, обеспечивающим условия для самореализации личности; приобщение к основам мировой культуры, раскрытие объективных причин процесса глобализации, взаимозависимости народов в современных условиях.

3. Современное поликультурное образование должно строиться на основе учета следующих основополагающих принципов:

а) принципа диалектической включенности национальной культуры в систему российской и мировой, выражающий систему обще-культурных императивов, которые присущи в равной степени всем этнокультурным образованиям;

б) принцип историко-культурной и цивилизационной направленности национального образования, предполагающий необходимость раскрытия исторической обусловленности явлений прошлого и настоящего, изучения фольклора, национального искусства, обычаев и традиций. При этом само понятие "национальная культура" приобретает обширный, всеобъемлющий и многоаспектный смысл, как интегративная категория, объединяющая всевозможные аспекты идентификации социума в российской и мировой культуре. Так как ментальность формируется как взаимодействие народной философии, народной религии и фольклора, именно эти составляющие выступают ориентирами в построении педагогических теорий как национального, так и поликультурного образования;

в) принципа поликультурной идентификации и самоактуализации личности, основанный на включении в региональное содержание образования знаний о человеке и обществе;

г) принципа глобальности культурно-образовательного процесса, отвечающий за развитие целостного поликультурного мировоззрения, коммуникативных особенностей личности в современном мире;

д) принципа поликультурной толерантности и интеробразовательной перспективы, отражающий механизм этнокультурной идентификации личности к структуре гармонизации межэтнических отношений.

4. Современное поликультурное образование должно не только опираться на сравнительно-сопоставительный анализ различных этнокультурных модусов, но всемерно использовать диахронический подход, позволяющий проследить этапы формирования системы духовно-нравственных ценностей, увидеть в историко-ретроспективном аспекте инвариантные и специфические явления в развитии определенного типа культуры, почувствовать "духовный стиль эпохи" и выявить артефакты в развитии данной этнокультуры. Диахронический подход в структуре поликультурного образования направлен на выявление и анализ "культурных стереотипов", представляющих собой совокупность наиболее характерных черт культуры. Так как культурный стереотип представляет собой совокупность взаимодействующих друг с другом и взаимодополняющих элементов, то рассмотрение каждого из них неизбежно выводит на уровень изучения самой системы. Данный подход отвечает идее гуманитаризации образования, так как направлен на целостное изучение культуры.

Организованное таким образом поликультурное образование опирается на междисциплинарный творческий подход и направлено на формирование культурологической рефлексии, в результате которой познающий субъект поднимается над различными этнокультурными парадигмами видения мира и человека. Результатом данного образовательного процесса является формирование поликультурного мышления, выступающего отражением современных глобалистических тенденций в образовательной сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Banks J. Multiethnic Education Theory and Practice. Boston / London. 1986; Education Reform Act. London. 1988; Goals 2000 - Educate America Law. Wash., DC., 1994; America-2000: An Education Strategy. Wash., DC., 1991; World Education Report 1995. Paris: UNESCO. 1995; Structure of the Education and Initial Training Systems in the European Union. European Commission. Belgium. 1995; Образование: сокрытое

сокровище. Доклад Международной комиссии для XXI века, представленный ЮНЕСКО. Париж: ЮНЕСКО. 1997; Малькова З., Вульфсон Б. Основные тенденции развития образования за рубежом. Аналитический доклад. М.: УРАО. 1998; Реформы образования в современном мире: глобальные и региональные тенденции. М.: Российский открытый университет. 1995.

2. Раджа Рой Сингх (Raja Roy Singh). Образование в условиях меняющегося мира // Перспективы. Вопросы образования. 1993. №1.

3. Крылова Н. Культурология образования. М.: Народное образование. 2000. С. 89.

4. Тхагапсоев Х. Философия образования: Проблемы развития региональных систем. Нальчик. 1997. С. 31.

5. Сусоколов А. Культурная инерция этносов: зло или благо? // Народное образование. 1994. №4.

6. Шукшунов В., Взятых В., Романкова П. Через развитие образования - к новой России. М., 1993.

7. Шаповалов В. Этнокультурная направленность российского образования. М., 1997. С.21.

8. Басова Н. Педагогика и практическая психология: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс. 1999. С.138.

9. Реформы образования в современном мире: глобальные и региональные тенденции / Под ред. Б. Вульфсона. М.: Изд-во РОУ. 1995.

10. Тхагапсоев Х. Указ. раб. С. 30.

11. Загвязинский В. Проектирование региональных образовательных систем // Педагогика. 1999. №5.

12. Об утверждении Федеральной программы развития образования (Федеральный закон РФ от 10. 04. 2000. № 51-ФЗ) // Вестник образования, 2000. №12.

13. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер. 2000. С. 248.

14. Документы в образовании. 1999. № 19.

15. Корнетов Г. Развитие историко-педагогического процесса в контексте цивилизационного подхода. Дисс... докт. пед. наук в форме научно-го доклада. М.: РАО. 1994; Тхагапсоев Х. Указ. раб.; Шаповалов В. Указ. раб.; Супрунова Л., Белогуров А. Национально-региональный компонент содержания общего образования в структуре поликультурного образования // Развитие личности в образовательных системах Южно-Российского региона. Ростов-на-Дону: РГПУ. Ч. II. 2000.

16. Соболева Е., Спирина В. Принцип регионализации как фактор развития образовательной системы // Развитие личности в образовательных системах Южно-Российского региона: Тезисы докладов VII годичного собрания Южного отделения РАО и XIX психолого-педагогических чтений Юга России. Ростов-на-Дону: РГПУ. 2000. С. 291-292.

17. Белогуров А. Фактор поликультурности в контексте этнонациональной стратегии развития российского образования // Проблемы поликультурного образования: Международный сборник научных статей. Махачкала: ДГУ. 2001.

18. Данные принципы изложены в работе: Белогуров А., Супрунова Л. Поликультурный аспект национально-регионального компонента содержания общего образования // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск: ПГЛУ. 2000. №3.

19. Подробнее о деятельности регионов в Европе см. статью О.Н. Барабанова в данной книге.

20. Цыганков П.А. Глобальные политические тенденции и социология международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998. С. 17-47; Кулагин В.М. Формирование новой системы международных отношений // Современные международные отношения. Под ред. А.В. Торкунова М.: МГИМО, 1998. С. 221- 236.

21. Цыганков П.А. Глобальные политические тенденции и социология международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Гардарика, 1998. С. 17-47.

22. О подходах к глобализации и проблемах, вызываемых ею, см., в частности, Кузнецов В. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2. С.12-21; № 3. С. 14-19; Французские ученые о глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С.113-116; Актуальные вопросы глобализации. «Круглый стол» // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 37-52; Гаджиев К.С. Введение в геополитику. М.: Логос, 1998; Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сб. 1-4. М.: МОНФ., 1999; Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. «Переходный возраст» современного мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 76-84; The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations / Ed. by Baylis J., Smith St. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1997 и др.

23. Friedman Th.L. The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1999.

24. Katzenstein P.J., Keohane R.J., Krasner St.D. International Organization and the Study of World Politics // International Organization. 1998. V. 52. № 4. P. 645-686.

25. Подробнее см. статью С.М. Ермакова в данной книге.

26. См. Лебедева М.М. Вестфальская модель мира и особенности конфликтов на рубеже XXI века // Космополис, Альманах 1999. С. 132-137; а также статьи М.В. Довженко и З.В. Клименко в данной книге.

27. Rosenau J.N. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

28. Talbott St. Globalization and Diplomacy: A Practitioner's Perspective // Foreign Policy. 1997. № 4 (Fall). P. 69-83.

29. Подробнее см. статью С.А. Афонцева в данной книге.

30. Подробнее о проблемах глобализации в экономической сфере см. Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. «Переходный возраст» современного мира // *Международная жизнь*. 1999. № 10. С. 76-84.

31. Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1984.

32. Gardner R.N. *Sterling-Dollar Diplomacy in Current Perspective: The Origins and the Prospects of our International Economic Order*. Rev. ed. N.Y.: Columbia University Press, 1980; *Local Commons and Global Interdependence: Heterogeneity and Co-operation in two Domains* // Ed. by Keohane R.O., Ostrom E. L.: Sage Publ. 1994.

34. Rosenau J.N. *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. - Princeton: Princeton University Press, 1990; Rosenau J.N. *Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

35. Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. «Переходный возраст» современного мира // *Международная жизнь*. 1999. № 10. С. 76-84.

36. Бордачев Т.В. «Новый интервенционализм» и современное миротворчество. М.: МОНФ, 1998.

37. Smith A. *Gastronomy or Geology? The Role of Nationalism in the Reconstruction of Nation / Nations and Nationalism*. 1995 (March). Vol.1. Part I. P. 3-23.

38. Jackson R.H. *Quasi-State: Sovereignty, International Relations and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

39. Сандерс Д. Неореализм и неолиберализм // *Политическая наука: новые направления* / Под ред. Р. Гудина и Х-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 411.

40. Фергюсон Й. Глобальное общество в конце двадцатого столетия // *Международные отношения: социологические подходы* / Под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Гардарика, 1998. С. 195-221.

41. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. М.: Моск. Центр Карнеги, 1997.
42. Huntington S.P. The Clash of Civilization? // Foreign Affairs. 1993 (Summer). P. 22-49 (перевод на русский язык Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. №1. С. 33- 48).
43. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.
44. Ferguson Y. H., Mansbach R.W. Politics: Authorities, Identities, and Change. Columbia, S.C., University of South Carolina Press, 1996.
45. International Regimes // Ed. by Krasner S. Ithaca, L.: Cornell Univ. Press, 1983.
46. Одними из родоначальников этого направления стали Р.Кохэн и Дж.Най. См.: Transnational Relations and World Politics // Keohane R.O., Nye J.S. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1972;
47. Коохейн Р.О. (Keohane R.O). Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Година и Х-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 447.
48. Никитин А.И., Хлестов О.Н., Федоров Ю.Е., Демуренко А.В. Миротворческие операции в СНГ. М.: МОНФ, 1998.
49. О некоторых правовых аспектах, возникших в связи с кризисом в Косово, см. статью З.В. Клименко
50. Коохейн Р.О. (Keohane R.O). Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Година и Х-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 443.
51. Gaddis J.L. International Relations Theory and the End of the Cold War // International Security. 1992. V. 17. P. 5-58.
52. Коохейн Р.О. (Keohane R.O). Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Година и Х-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 438-452.

53. Доган М. Политическая наука и другие социальные дисциплины // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х-Д.Клингеманна. М.: Вече, 1999. С.113.
54. Подробнее см.: Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Полис. 1999. № 4. С. 130-140.
55. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2. С. 6-38.
56. Лебедева М.М. Межэтнические конфликты на рубеже веков: методологический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4 (в печати).
57. Janis I. Crucial Decisions: Leadership in Policymaking and Crisis Management. N.Y.: Free Press, 1989; Lebow R.N. Between Peace and War: The Nature of International Crisis. Baltimore and L.: John Hopkins University Press, 1981. Janis I. Victims of Groupthink: Psychological Studies of Policy Decisions and Fiascoes. - Boston: Houghton Mifflin 1983. Richardson J.L. Crisis Diplomacy: The Great Powers Since Mid-Nineteenth Century. Cambridge: Univ. Press, 1994.
58. Кеохейн Р.О. (Keohane R.O). Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 447.
59. Хрусталева М.А. Эволюция системы международных отношений и особенности ее современного этапа // Космополис, Альманах 1999. С. 48-51.
60. Mansbach R., Ferguson Y., Lambert D. The Web of World Politics: Non- Actors in the Global System. Englewood Cliffs (N.J.), 1976.
61. Burton J. World Society. L.-N.Y.: Lanham. 1987.
62. Rosenau J. Pre-Theory Revised: World Politics in an Era of Cascading Interdependence // International Studies Quarterly, 1984. № 1. P. 3-29.
63. Кеохейн Р.О. (Keohane R.O). Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 444.
64. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: МОНФ, 1999. С. 8.
65. Wallerstein I. The Modern World-System. N.Y.: Academic Press, 1974.

56 См., напр., Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. N.Y. : Columbia University Press, 1977.

57. Бус К. Вызов незнанию: Теория МО перед лицом будущего / *Международные отношения: социологические подходы* // Под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Гардарика, 1998. С. 307-330.

58. Rosenau J.N. *Material and Imagined Community in Globalized Space / Globalization and Regional Communities: Geoeconomic, Sociocultural and Security Implications for Australia*. Toowomba (Australia): USQ Press, 1997. P. 24-40.

59. Nyerere J. *Peace Comes From Justice, Not Absence Violence* // *Peace Initiatives*. 1997. V. III. № 2 (March-April).

60. Wiseman G. «Polylateralism» and New Models of Global Dialogue. Leicester: University of Leicester, DSP, 1999 (November). P. 11.

Руиз Аулар Педро Хавиер

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ,
МЕЖДУНАРОДНОЙ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

ASPECTOS TEORICOS DE LA ECONOMIA REGIONAL, INTERNACIONAL Y MUNDIAL

Компьютерная Верстка
Хорхе Пулидо Фунес

Формат 60x90 1/16
Подписано в печат 2013-09-12 Тираж: 5000 Экс.

Отпечатано в Ediciones Universidad Deportiva del Sur-Av. Universidad, Km 2, Sede
Académica. Dirección de Publicaciones. Universidad Deportiva del Sur-
Email: pedroruizuds@gmail.com

ISBN: 978-980-7367-04-2

Издательство: Ediciones Universidad Deportiva del Sur
г. Сан Карлос, штат Кохедес, Боливарианская Республика Венесуэла.